

попдадaнец

ПОПДАДАНЕЦ

Игорь Сорокин

КОЗАК

ЧЕРКЕС ИЗ ГОТИИ

Игорь Владимирович Сорокин

Козак. Черкес из Готии

Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27790300

Козак. Черкес из Готии / Игорь Сорокин: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106562-1

Аннотация

Ты отправился на рыбалку, а попал в XVI век в Османскую империю, во времена зарождения Запорожской Сечи? Замечательно! Радуйся! Ведь у тебя есть голова на плечах, а к ней в придачу парусно-моторное судно... Ты не умеешь скакать на лошади и махать саблей? Зато у тебя есть карты Мирового океана, которые в эпоху географических открытий подскажут тебе, куренному атаману Ингварю, куда со своими козаками отправиться в «поход за зипунами»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	61
Глава 3	122
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Игорь Сорокин

Козак. Черкес из Готии

Глава 1

Путешественник с Востока.

Прошлое рядом, и не только у нас

Прекрасен отдых на воде, а еще он более впечатлителен на яхте. Яхты бывают разные. Яхта, о которой идет речь, — конечно не яхта, обычный еще советской постройки фиш-куттер (мелкое парусно-моторное рыболовецкое судно), на котором мы с сослуживцем решили отдохнуть. Купили в складчину списанный траловый рыболовный бот и за год восстановили. Деревянный корпус защитили стеклопластиком, стеклотканью и эпоксидной смолой оклеили в четыре слоя. Поменяли старенький гэдээровский дизелек на снятый с трехсотого «мерседеса» 1987 года выпуска трехлитровый дизель класса ЕВРО-1, тот, которому производитель миллион километров гарантии определял. Полное отсутствие электричества в управлении и сплошная точная механика, с долговечностью и надежностью, которым нет границ. Для обеспечения электричеством на стоянке установили в форпике дизель от «хонды» с бесщеточным генератором и баснослов-

но долгой гарантией на работу – сотня тысяч часов, кажется. Кроме того, раньше мощность двигателя составляла 80 лошадей при 600 оборотах, теперь 130 лошадей, а обороты можно поднять до 3000. Посчитали и решили, что скорость от 8 узлов заводского проекта должна подняться по расчетам до 10 узлов.

Парусное вооружение взяли за образец с яхты «Спрея», на которой капитан Слокам в одиночку совершил кругосветное плавание. Мачту и парусное вооружение набрали современного типа, рангоут из алюминиевых труб, возможности использования парусов типа Спинакер и даже Лиселя.

На корме установили две шлюпбалки, на которых подвесили собственноручно изготовленный из двухмиллиметрового листа алюминия туристский каяк; по бортам его повесили надувные баллоны от двухместной резиновой лодки. Двигать такое плавсредство решили с помощью движка тоже от «хонды», или небольшим парусом для виндсёрфинга, или, если вообще ничем, то обычным веслом.

Нам обоим нравится водный туризм. Борис – настоящий яхтсмен, а я – любитель что-нибудь придумать и сконструировать, сделать почти на коленке и прочее и прочее. Так и сошлись.

Нас объединяет любовь к морю и отдыху на воде. Вот и решили подняться по воде вверх по Южному Бугу до Александровки, а потом пойти до Скадовска, от Скадовска к острову Змеиному, потом в Измаил и уже затем обратно в Ни-

колаев.

Решили. Взяли отпуск. В апреле можно брать без вопросов, еще не лето, но уже не холодно, и спокойно ночь можно провести в спальном мешке.

Легко, буквально за день поднялись до Александровки, где возле скалы у Александровской ГЭС переночевали. Следующий день решили провести в Вознесенске. Сели в маршрутку, и вот мы уже в Вознесенске.

В субботний день на вознесенском рынке мне повезло, смог купить с рук самый настоящий, еще советский, морской кортик со снаряжением – Булат 1987 года выпуска. От такой радости решил подкупить и всяких прочих сувенирчиков своим близким, ну и себя не обидеть.

Люблю я всякие восточные сувенирчики. Вот и купил, домой – куклу «сидящая японка» (фарфоровая, одетая в кимоно и все такое прочее, веер, прическа, заколки и...), китайскую сувенирную жабу, которая сидит на деньгах и копеечку китайскую во рту держит, значков жменьку и советских монет (просто пару целлофановых пакетиков).

На земле выложил дедуля книги. Опять же восточная тематика «Энциклопедия фэншуй» для женщин, а для себя любимого увидел несколько книг по восточным самурайским мотивам и боевым искусствам, а по нашей истории – «Поле славы» 1988 года выпуска.

Я эту книгу видел когда-то вскользь, еще тогда запомнилась. Что поразило – оформление книги, и куча рисунков

внутри, выполненных в стиле хохломской росписи; в книге описана история от «Слова о полку Игорева» до пятидесятих годов двадцатого столетия. Так, там буденовец стреляет из лука по самолету черного цвета, словно по змию, и как бы сбивает. Также прикупил для себя любимого.

Прошли мы еще чуток и увидели на торговом столе – сувенирные удостоверения продают. Все знают, что это такое, документы, согласно которым можно Героем Советского Союза, Украины или России стать или крутое удостоверение милиционера (полицейского) получить.

Приглянулся Борису «ДИПЛОМ КОНКРЕТНОГО ЧУВАКА». Открываешь его, а там, на тисненой бумаге на первом листе герб в виде щита и руки с выставленным указательным пальцем, с орнаментом и прочими геральдическими атрибутами. Решили ради прикола себе такие прикупить. Тут же при покупке как услуга – запись сделали с круглой печатью и подписями трех членов квалификационной комиссии – Загибалова, Киллермана и Кроваткиной. Подписи все с завитушками и прочерками и т. д. и т. п. – словно османская «тугра» турецкого султана. Надпись красным «С ОТЛИЧИЕМ» и номером ЕС 600. В общем, круто смотрится.

Здесь же, на столе, и набор печатей имеется. От круглой гербовой печати с трезубцем и надписью «МИНИСТЕРСТВО ПАНТОВ. АКАДЕМИЯ КОНКРЕТНЫХ ЧУВАКОВ» до штампика «ОПЛАЧЕНО». Купили себе по комплекту.

Опять остановился. Наборы мельхиоровые старушка на земле выложила. Нож, вилка, ложка и маленькая ложечка – на двенадцать персон. Десяток малюсеньких ложечек из нержавеющей стали с эмблемой розы штампованной. Рядом набор стаканов с подстаканниками из нержавеющей стали, с вензелями в виде лозы виноградной. Несколько хрустальных стаканов, бокалов и кувшинчиков. Хрустальный набор для специй и приправ на вращающейся подставке-подносе из нержавеющей стали. Пара подносов из нержавеющей стали штампованных и с гравировкой внутри. Рядышком стоит высокий кувшин керамический, в узкое горлышко которого вставлена тройка искусственных перьев, имитирующих золотые листья папоротника. Явно деньги человеку нужны, раз столько вынесла на продажу. Взял да и купил все. Думаете, много – всего гривен на четыреста все потянуло.

Видя такую распродажу, соседка продавщицы подошла. Протягивает картонную невзрачную, выцветшую коробочку. Открывает, а внутри на бархатной подкладке золоченные с эмалью ложечки для чая лежат. На ручке амфора какая-то в эмали изображена. Переворачиваю. На ручке каждой ложечки проба по серебру выбита. В сто гривен набор мне обошелся.

Вот так купил. Однако второй половине человечества не объяснишь, что эти ложки я ей купил. Сразу возникнет вопрос: а что же мне?

Посетили местный ювелирный, где в глаза бросились зо-

лотые сережки с розами, из розового коралла выточенными. Футляр тоже необычный оказался с цветком в виде японской хризантемы, сплетенной из тонкого золотистого галуна. Купил без колебаний.

К ужину мы на куттере. Поужинали.

Наконец все принесли на наш парусно-моторный бот, который можно назвать и яхтой и куттером. Опять пошли в ближайший магазин за десятилитровыми баллонами с водой. Сходили на заправку и подкупили 80 литров (четыре двадцатилитровые канистры) солярки. Решили перед отходом от Вознесенска перекусить.

Звонок. Борису надо срочно в Херсон. С утра понедельника надо быть на работе. Место для рыбалки у плотины просто супер, решил остаться на воскресенье и порыбачить. Решили, что Константин едет микроавтобусом, а на следующий день я снимаюсь и спускаюсь в понедельник вниз по течению. Позже в Николаеве я его забираю, и мы, по плану, продолжаем выход в море. Проводил я его на микроавтобус и помахал ручкой. Далее отошел от берега. Встал на якорь и спать.

На следующее утро стало темно от тяжелых туч, заметно посвежело, усилился ветер. Еле успел перейти к островку, внутри охраняемой зоны плотины, как тут же началось громохание и ливень. Решил не рисковать судьбой и подойти к скале, возле которой мы ночевали ранее. Несколько минут, и вот уже отдан якорь. Закреплено все, что можно закрепить.

Вода хлынула как из ведра, резко ограничив видимость парой десятков метров. Весь промокший, я наконец спустился в трюм, где у нас была оборудована небольшая проходная каюта. Гром и молнии за бортом и небольшая качка от порывов ветра не мешали мне лечь и поспать.

Проснулся уже вечером, когда гроза кончилась, но мелкий дождь продолжал идти. Рулить в темноте и в морось не решился. Решил переждать до утра. Посмотрел пару видеофильмов на ноутбуке. Потом занялся перекладыванием покупок. Опять подивился себе, как это я решился на покупку кучи старой кухонной утвари и столовых приборов.

Вновь посмотрел на окружающую обстановку. Мелкий дождь с порывами из настоящих дождевых шквалов, на той стороне реки молнии в землю бьют, а вечернее небо от непрерывных молний ярко светится фиолетовым цветом. Да, придется оставаться на стоянке до утра, с мыслью о чем и прилег спать до утра.

Прекрасное солнечное утро следующего дня началось как обычно с забега к борту и утренней процедуры, которая обычно заканчивается умыванием и бритьем. Только вот еще когда я стоял у борта, справляя маленькую нужду, вдруг захотелось почесать подбородок с неизвестно откуда появившейся небольшой шелковистой бородкой.

Бородкой, которую я никогда в жизни не носил. Остановившаяся у подбородка левая рука, переместилась на щеки и прическу. Невероятно, но за ночь я серьезно оброс.

Почти бегом спускаюсь в каюту и бросаюсь к зеркалу. Из зеркала на меня смотрит молодой блондин, с кучерявой бородкой и моими глазами. Волосы, лоб, брови, глаза и нос — мои, а вот та часть, которая ниже носа, спряталась в волосяном покрове.

На яхте у нас было все: и пара ножниц, и ножей кучка, вот только бритва типа «жиллетт» вроде не должна бороду резать. Расправил за ночь выросшие усы и решил, пока суть да дела, подравнять их медицинскими ножницами. Что тут же и сделал. Присмотрелся. Вроде и я, а вроде и не я. Помолодел явно. Может, мне мерещится. Вроде вчера не пил, чтобы до «белочки» напиться.

Все еще не очень придя в себя, решил подняться на палубу и проветриться. Может, кофейку заварить. Стоящий на якоре куттер находился там же, где я его ранее и поставил. Только вот погода вокруг явно на апрельскую не похожа. Холодный ветерок пронизывал одетое в футболку и спортивные штаны тело, ощутимо вымораживая.

Вокруг разве что льдины не плавали. Ноябрь или март — не иначе.

Осматриваюсь. Что за черт! А где же дамба, шлюзы и развалины бывшей Вознесенской ГЭС? Нет села Александровки и моста через Южный Буг. Вокруг девственная природа! Место то, где и становился на якорь, до скалы буквально два метра по правому борту, а реальность другая!

Забегаю в каюту и одеваюсь. Есть у меня полный комплект

натовского камуфляжа, в путешествии или еще для чего просто супер. Удобно. Прошли те времена, когда для путешествия одевали все что есть. Сейчас на Украине снарядиться в серьезное путешествие, на охоту или рыбалку легко. Были бы деньги. Комплект натовского, европейского или украинского камуфляжа стоит в принципе недорого, несколько тысяч гривен примерно. Так, например, мой комплект обошелся мне в сумму, соизмеримую с пятью-шестью тысячами гривен, с вещмешком, каской и разгрузкой кевларовой, только бронепластин нет. Еще один комплект достался, можно сказать, даром. У Бориса тоже такой же, украинского производства, и что-то от бундесвера, с Прибалтики кажется. Куча народу – военные и невоенные – ходит в камуфляже и берцах. Время такое просто.

Первое, что в уме – осмотреться надо. Для этого беру якорь-«кошку», размахиваюсь и бросаю на скалу. С четвертого броска «кошка» зацепилась, и я смог подтянуть борт стоящего на якоре суденышка к скале. Закрепил выброску. Установил сходни. И вот я уже бегу по скале к ближайшему дереву со швартовным тросом. Еще несколько минут, и можно наконец заняться рекогносцировкой.

Вершина заросшей деревьями скалы поднимается из воды, приблизившись к левому берегу. Шумный поток воды Южного Буга с обеих сторон скалы устремляется вниз в сторону Черного моря.

Еще вчера скалу и левый берег соединяло заброшенное

строение бывшей Вознесенской ГЭС и рукотворная дамба, соединившая оконечность острова с берегом. С правого берега к острову стремились шлюзовой канал и бетонная дамба. Выше по течению с правого на левый берег был перекинут современный автомобильный мост, соединяющий село Алексеевка с другим берегом. Теперь вокруг, до горизонта, не видно ни одного признака присутствия человека.

Повторяю – девственная природа вокруг на все стороны света без единого признака присутствия человека. Куда я попал?

Начнем сначала. Местность знакомая. Только явно время не то. Нет вокруг людей. Первые оседлые поселенцы в этой местности появились примерно в XVIII веке, когда территория отошла от Османской империи к Российской империи. До этого в данном районе могли быть только кочующие семьи буджакских татар.

Буджакская орда, основанная примерно в 1603 году, была в двойном подчинении крымского хана и турецкого Очаковского эялета, кочующая на территории, которая с 1484 года входила в состав Османской империи.

Около восьми-десяти тысяч татар кочевали между Дунаем и Днепром отрядами до тысячи человек в каждом. Огромная территория со времен Галицкого княжества Киевской Руси, перешедшая в Великое княжество Литовское, с временным подчинением Молдавскому княжеству, и с 1484 года принадлежавшая Османской империи, была настоящей

ДИКОЙ СТЕПЬЮ до 1603 года. На участке от бассейна Днепра до Дуная и Молдавии, юридически входящем в Очаковский эйялет, была самая малая плотность населения тогдашнего европейского мира, с ближайшими центрами цивилизации на берегах Черного моря в Очакове и Хаджибее (будущая Одесса).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что я оказался на территории бывшего Галицкого княжества, или Литовского, или Османской империи. На сотню километров на Север, Запад или Восток бродят кочевые татары – людоловы, надежно контролирующие любые попытки попадания в Украину или Московию. Самый близкий центр цивилизации, если удастся проскочить татарские разъезды, – это Очаков и Кинбург. На воде кочевники мне не страшны, а вот в Очакове наверняка мимо охраняемой крепости не пройти. Есть шанс пройти в Днепр и подняться максимум до порогов и Хортицы, где, может быть, есть ведущая разбойный образ жизни Запорожская Сеча, а может, и нет. Если нет запорожцев, то возможно, там уже есть их предшественники – православные черкесы, строящие город Черкассы, также ведущие разбойный образ жизни и не гнушающиеся людоловством будущие казаки. Как-то они встретят довольно-таки далекого от «яростной рубки» человека далекого столетия, даже если он настоящий пушкарь и минер. Может, здесь все еще с дубинами и топорами бегают.

Вывод один. Надо спускаться по реке до Очакова или, ес-

ли еще древнее, то до Ольвии. В любом случае, надо стремиться к цивилизации.

Только не вся цивилизация есть хорошая цивилизация. До конца восемнадцатого столетия человек без семьи, общины или клана – изгой. И отношение к нему как к изгою. Всяк может делать, что хочет, и при этом лучшее, что может быть, это ограбить. Далее рабство или вообще убить, чтобы не кормить. Кому нужен крепкий мужчина: в первую очередь он опасен, во вторую очередь он может быть очень опасен, если богат. Это не девушка и не женщина или ребенок. Зрелых и молодых мужчин продавали или в рабство, обычно на галеры, или на ринг – гладиатором. Поэтому в первую очередь надо осмотреться, задуматься о своей безопасности и только потом стремиться на встречу, которой не миновать. Легенду придумать по внедрению в общество тоже не помешает. Мой язык и поведение явно ни с каким местным, кроме русского и украинского, не спутать. И то любой знающий эти языки и обычаи скажет, что к этим национальностям я не имею никакого отношения.

Есть только одно общее. Религия. И не потому, что я сильно верующий. Да верующий, но не настолько, чтобы всеночную стоять и поститься по-настоящему. А уж когда мне зададут вопрос о знании хоть одной молитвы... Тут уж полный профан. На груди у меня есть золотые крест православный и цепь немаленькая, на руке браслетик, тоже не дешевый. На пальцах обручалка еще советская, которая из толстых, и

перстень немаленький из современных мужских, с символами инь и янь.

Только не так в первую очередь проверялась религиозность и приверженность к Богу в те времена. В первую очередь у незнакомца смотрели на чресла. У мусульман и евреев обрезание всем мальчикам делают. То, что определяется как язычество в ортодоксальной церкви. Ну, с этим я точно никаким мусульманином не смогу прикинуться. Так что православные мы, но очень далекие. Далекие и еще раз далекие. Оттуда, где нас точно не смогут проверить, например, с мифической страны Джапан или Чосон, в крайнем случае, из Китая. О Китае или Индии все знают, так почему нужно исключать страны, находящиеся еще дальше на восток. Разве не может там быть небольшая православная община. А почему нет? Есть даже иконки на дереве, из разряда тех, которые на всех машинах, на торпедах и стеклах цепляют. Там же в рубке яхты, на стекле на присоске висит и крест православный 150 на 100 размером и с красной кисточкой, из основания свисающей, пластмассовый правда, но ничего – скажем, что сделан из дерева особого. В Китае русская община точно есть. Там ведь, еще бог знает когда, даже гвардия императорская из варягов и русичей набиралась, примерно как в Царьграде.

В общем, будем из себя изображать инженера и ученого, получившего образование в закрытом университете, поэтому и от колюще-рубящего оружия далек. Объявим себя спе-

циалистом по пушкам и баллистам, а там, где баллисты, там и онагры с требушетами используются. Там, где порох, там стрельнуть и взорвать что-нибудь сможем. Глядишь, и вольемся в ряды местных. Главное в низком сословии не оказаться, в холопы и рабы не попасть.

Теперь о защите себя любимого. Есть две разгрузки кевларовые, но нет к ним пластин вкладышей. Зато есть съемная крыша над трюмом, собранная из двух листов двухмиллиметрового алюминия, со стеклами из иллюминаторов бронетранспортера БТР-60 в количестве 8 штук. Думаю, что двухмиллиметровый алюминий пойдет пока как вставки в разгрузку, а потом даже целый рыцарский доспех можно будет собрать. Крышу над трюмом можно будет и из простых досок изготовить в последующем, если выживем, конечно.

Из холодного оружия есть только штык от трехлинейки, уже почти сто лет ему, так у него защелка до сих пор рабочая, металл явно не кованое железо из болотной стали. Он у меня в виде трости сделан. Трехгранный штык, собранный с рукояткой, напоминает мизерикордию, только длиннее намного, раза в полтора. Рукоятка может сниматься, и тогда, собрав трубку трости со штыком, получаю легкий дротик, типа греческого. Скрытно на всякий случай на яхте решили хранить.

По части стреляющего есть несколько арбалетов и пара подводных ружей. Арбалеты трех видов. Два рекурсивных в виде обреза с деревянным цевьем и пара блочных арбале-

тов типа МК-380 с виброгасителями, прицельной планкой и оптическими прицелами, для себя и женщин. Даже для детей есть арбалет-пистолет. Думали на зайцев на Ягорлыцком полуострове поохотиться. Для стрельбы по пернатой дичи есть пневматическая винтовка. Газовый револьвер тоже есть, с парой десятков патронов.

Вот и все по оружию.

Хотя на яхте и есть пара ноутбуков, мой и Бориса, но там особых научных книг по технологиям, химии, металлургии, медицине и прочей премудрости нет. Есть зато литература по судоремонту и 300 полезных советов по катерам и лодкам. В этом времени это явно золотые знания. Правда, не имея допуска к кораблестроению, все эти знания ничего не стоят. Знания по кораблестроению – они ведь наследственными всегда были. Редко, когда чужой к семьям мастеровых корабелов допускался.

Самым ценным богатством в моем распоряжении оказались, как я считаю, карты и лоции. Несколько по Черному и Азовскому морям. Лоции хоть и Советского Союза, но – Черного и Азовского морей, Днепра, Дуная и даже Дона. А на ноутбуке есть программа OpenCHN 4.0.0 навигационная с комплектом всех файлов-карт всех морей и океанов планеты.

Еще в наличии два акваланга и пара гидрокостюмов для подводного отдыха – дайвинга и охоты. Компрессор воздушный для закачки воздуха в аппараты лежит в трюме. Про на-

бор удочек и спиннингов на шестерку рыбаков, думаю, нет смысла много говорить.

Теперь, думаю, надо замаскировать свою яхту, чтобы ее не было видно со стороны правого и левого берега и подготовиться к путешествию на юг к цивилизации. Заодно осмотреться и пару деньков вокруг понаблюдать.

Подумал и решил я еще немного разгрузить свой корабль. Уж больно много на нем дорогих вещей находится. Зачем мне в путь пара аквалангов, одного думаю, точно хватит. И так многие вещи – стекла, к примеру – кучу денег стоят, надеюсь, позже в хозяйстве пригодятся. А пока я на безымянном островке клад буду зарывать.

Посмотрел, вроде можно клады закапывать. Люди здесь явно костров не жгли и деревьев не рубили. Доступ сюда только по воде и против сильного течения. Не думаю, что кочевникам здесь интересно будет. А мне островок понравился, в беспокойное время готовая крепость. Клев есть. Значит, с едой тоже можно не сильно беспокоиться.

Двое суток наблюдения за местностью ничего не дали. Днем ни одного дымка, ночью ни одного огонька. Людей тоже нет. Неужели я попал в древность. Ой, как бы не хотелось. Еще через день, наконец, решился идти вниз по течению. Осмотр местности за трое суток наблюдения ничего не дал. Неторопливость в принятии решения дала, думаю, свои плоды. Как раньше в степи, за степью следили. Довольно просто. Строили небольшую вышку или что-то вроде этого, а то

и в ветвях высокого дерева размещался наблюдатель. Вдоль долин рек также примерно наблюдение велось. Только не в нашем случае.

Южный Буг не имеет сквозного судоходства, аналогичного Днепру, Дону и Волги, рек, бассейны которых объединялись волоками. Именно поэтому нижняя часть Буга и не заселена. Выше на сотню километров Южный Буг используется как транспортная магистраль, связывающая города и села не только между собой, но и с Балтийским морем с помощью волоков. Мигейские пороги Южного Буга практически изолировали низовья от верховьев реки, а значит, и от цивилизационного влияния причерноморских стран и городов.

Раз нет торговцев, нет и судоходства, значит, нет необходимости устанавливать дозоры в своеобразном тупике цивилизации. Поэтому, скорее всего, дозорные посты и вышки появятся на участке Николаевской скалы и ниже по течению. И самое плотное наблюдение за водой должно быть в районе Очакова и его спутнике-пригороде Кинбурге.

Составил для себя я и план вхождения в местное общество. Выдать себя за кого-либо из своих в местном обществе я не смогу. Слишком малая плотность населения. Люди живут семьями, как минимум общиной и кланами. Делятся все на вождей родов или аристократию, прослеживающую свою родословную на десяток поколений как минимум. Родословную и родственников начинают изучать с детьми буквально с момента начала их общения в семье. Для всех я буду на-

стоящим изгоем, ведь я даже не могу сказать, кому служит мой род и к какому сословию я принадлежу.

Второе – религия. Мусульманином или евреем выдать себя никак не получится, физически я не такой как они, обрезание там и прочее. Остаются только христиане двух ветвей: католики и ортодоксы (православные).

Католики здесь представлены итальянцами из Генуэзской республики с главным городом на Черном море – Кафа. К итальянскому и католикам мне просто очень нереально присоседиться. Да как я им докажу, что я католик и итальянец.

На Черном море средневековая православная община многонациональна и имеет как минимум три общины: Константинопольская (Стамбул), Армянская и митрополия Трапезунда и Готии. Здесь мне легче. Есть иконки на дереве: автомобильный триптих, иконка Пресвятой Богородицы, Тропарь Рождеству Христову и крест немаленький и все они православного исполнения. Есть нательный крест. Есть книга «Поле славы», в которой есть картины типа: от Чалунина – где с татаринном Челубеем бьется монах Пересвет, одетый в монашеское одеяние с вышитыми крестами; от Ермолаева – «Куликовская битва», где ярко на знаменах видны святые лики и куча православных церквей в городах и селах. Тем более что, по моему замыслу, это будет запись пророчеств моего прадеда, волю которого я и исполняю, доставляя в православную церковь пророчество, напечатанное в далеком Чосоне, в зашифрованном варианте. Язык существенно

изменился и алфавит – тоже. Поэтому будем переводить. А кому надо, тот пусть и уточняет. А то, что «Слово о полку Игореве» или о героях «Куликовой битвы» проверить легко и просто, вот и доказательство пророчеств.

Все равно, не в монахи же мне идти и всю жизнь книгопечатанием заниматься. Еще могут и еретиком объявить. Чур меня. Не моя это стезя.

Теперь, что я знаю по истории. Было княжество Захария (Тмутаракань). Грузинское княжество, греческая и армянская диаспоры, раскиданные по всему Причерноморью. Еще было княжество Феодоро. Готское государство, с жителями православного вероисповедания, управлявшееся обычно несколькими владетелями-братьями и имевшее родство с византийскими императорами. Потом турки верхушку аристократии княжества вырезали, и осталось там что-то типа нескольких сотен простых воинов, воюющих под руководством своих князей – вассалов султана с 1475 года. Был как-то на экскурсии в тех краях.

Это если мир средневековья. А если это времена древние? Тогда надо как можно быстрее определиться с эпохой. Еще очень было бы неплохо выйти в Черное море незамеченным. Расчетная максимальная скорость моего бота – 10 узлов, возможно, еще пара узлов добавится, не определяли. Винт рыболовецкого бота предназначен в первую очередь на создание большого тяглового усилия для буксировки рыболовецких сетей. Поэтому даже если дать на него 3000 обо-

ротов, которые позволяет двигатель, добиться сильного прироста скорости не ожидается, только кавитацию можно явно получить с огромным количеством пузырьков вместо ускорения.

Прорываться сквозь кордон у Очакова, думаю, нет необходимости. Все же путь к отступлению надо предусмотреть, надеюсь, придется возвращаться к принявшему меня острову. Если не смогу оставить за собой свою парусно-моторную яхточку, то лучше потом ее назад отбирать. Для этого надо оставить путь отступления и нового наступления. Под водой, к примеру. Отойдя от островка, приютившего меня почти на четверо суток и имеющего, судя по всему, рядом с собой аномальную зону, я отправился в низовья реки.

На моем боте заправка составляет 2 тонны солярки. Собираясь в такой круиз, мы с Борисом еле наполнили топливную цистерну на 1 тонну. При расходе солярки примерно 10 литров в час мне должно было хватить топлива на четверо суток непрерывного хода. Или двести суток непрерывной работы дизель-генератора. Пополнять топливо пока мне неоткуда. Поэтому решил идти на парусах, подняв на передней мачте парус. В одиночку поднимать паруса на обеих мачтах я не решился.

Следов человека на всем пути до начала Бугского лимана, места встречи Ингула с Бугом, так и не увидел. Может, кто-то и наблюдал за моим небольшим судном с берега, но я, идя по стержню реки, постарался максимально обезопаситься от

возможного нападения жадных до чужого жителей Дикого поля.

Первый признак цивилизации обнаружился на Николаевской скале. Несколько рыбацких лодок и дозорная вышка на берегу остались по левому борту за кормой. Разглядеть, как одеты местные жители или вооружены, и определить эпоху не смог.

По правому борту появилось селение, которое со времен Древней Греции называлось Ольвия, с достаточно большим количеством жителей и построек. Тот небольшой рыбацкий поселок, который я увидел, явно не мог соответствовать древнему полису или селу Парутино будущего. И вновь кроме рыбаков ничего нового. Правда, время теперь может соответствовать двум вероятным эпохам – очень Древним векам или Средним, когда Ольвии уже нет, а Парутино еще просто не появилось. Турецкий Очаков или бывший Дешт Галицкого княжества проявился со всеми признаками государственности в виде отошедшей от берега лодки с двумя гребцами и более нарядно одетым рулевым.

Увидев отошедшую от берега лодку, спускаю парус, сбрасывая ход, и бросаю якорь для остановки судна. Еще через несколько минут, определив, с какого борта должна швартоваться лодка с досмотровой командой, выбрасываю за борт штормтрап. Высота борта моего бота почти 2 метра, просто так с качающейся лодки на борт не попасть.

На борт поднимаются типичный представитель Осман-

ской империи и один из гребцов, выполняющий роль переводчика. Второй гребец оказался лучником, поднявшимся за первой парой следом на борт. Эпоха выявилась почти мгновенно – луки и турки – XV–XVI века. А далее началась потеха.

Турецкий, а в то время больше тюркский, язык для меня, ясное дело, оказался очень далек от понимания. Современного украинского и русского в те времена еще и в помине не существовало. Что для москвитов, что для украинцев и ляхов (поляков) мой разговор был типично немчурский. Хотя немецкого языка я даже в школе не изучал, учил французский.

Зато я знал приветствие и ответ по мусульманскому международному обычаю.

И еще. Если я хочу иметь отношение к дворянству или тому, что соответствует этому понятию в средневековой Турции, надо сразу определять свое старшинство, приветствуя первым.

– Ас-саляму алейкум («Мир вам»), – приветствую поднявшихся на борт.

– Ва алейкум ас-салам, – услышал в ответ.

На этом все, что я мог сказать, сказал.

Услышав приветствие, поднявшаяся на борт досмотровая группа обрадованно восторгалась и...

Я услышал что-то, что так и не смог понять. Очень много слов, и совершенно бессмысленные для меня звуки.

Пришлось развести руками и показать свою полную несостоятельность. Наконец с помощью переводчика удалось добиться взаимопонимания. Представился путешественником, желающим попасть на родину прадеда. В Крымское княжество Феодоро, капитанство Готия.

– В Крыму нет княжества Феодоро или Готия, – слышу в ответ от переводчика.

– Как нет. Мне говорили, что принцы Феодоро – вассалы османского султана. Мои соплеменники служат мушкетерами у султана. Они всем известны! – настаиваю на своем.

– У нашего султана служат мушкетерами готы из Мангупа, а не из Феодоро, – услышал в ответ.

– Правильно. Мой прадед был готским боярином, и, выполняя его волю, мне необходимо попасть в столицу княжества Феодоро Мангупу. Привезти его прах в башню Чоргунь, – обосновал я свой путь в Готию.

Далее у меня потребовали подорожную и поставили условие в течение трех суток оплатить подорожную по Османской империи.

Подорожная вызвала настоящий шок в глазах таможенника. То, что я предъявил, было сродни информационной бомбе. А что я мог предъявить? То, что есть: паспорт, права и документы на катер и машину.

Обычно в Османской империи путешественникам выдавали специальные дорожные грамоты, в которых указывались имя, имя рода, принадлежность к сословию, описа-

ние внешности. Проездным документом определялся чек об уплате налогов, таможенном сборе. Дворяне доказывали принадлежность к роду гербами на документах, на оружии, одежде, медальонах и фибулах, конной упряжи. Поведением и рекомендательными письмами, одеждой, речью, образованием и владением оружия.

Значительной части необходимых обязательных, казалось бы, требований, к приличному человеку того времени у меня же конечно нет. Но! Одежда, речь, манеры, образование, знание культуры, поведение, отличное от низших слоев общества, оружие – не отнять. Выделяюсь на все сто процентов.

И самое интересное. Документы!!!

На Востоке принадлежность любого человека определялась местом в общественной иерархии и до сих пор влияет на общественную жизнь такая вещь, как тавро и тамга. Символ клана, рода и хозяина. Или ханская – пайза.

На наших современных документах чего только нет. Вот именно это и вызвало шок у таможенников. Особенно удивительным оказался факт того, что переводчик смог по слогам прочесть суть документа и тройное имя владельца (фамилия, имя и отчество), что есть только у лиц благородного происхождения в этой эпохе. Подделать документы такого качества! Да какой купец или герцог такое может себе позволить? Такой уровень документов разве что только мифического Китая.

Получив временный пропуск в Ачи-Кале, я направил свой бот в городскую гавань. Став на якорь, рядом с несколькими судами, спустил на воду каяк и устремился к городскому пирсу. Над рейдом, набережной и крепостью господствовал замок (цитадель) почти квадратной формы с четырьмя выдвинутыми башнями круглой формы. Из башен и стен высунувшиеся жерла орудий большого калибра контролировали не только рейд гавани, но и все внутреннее пространство крепости. От набережной и стен цитадели берет начало новая линия стен, ограждающая собственно город, прямоугольником, внутри которого мощенные булыжником улицы (шесть продольных и две поперечные) создавали продуманную планировку города двухэтажными домиками и кварталами гильдий цеховых мастерских. Вокруг площади у замка, используемой как базар, со всех сторон теснятся минареты мечетей и лавки торговцев и ростовщиков, настоящий банк и рабский рынок.

После почти сотни километров пустынной местности вдоль берегов Южного Буга крепость Ачи-Кале (Очаков) кажется огромным городом.

Город-крепость контролирует огромную территорию – на севере почти до Киевской области, на востоке до Запорожья, на западе до Молдавии, главный торговый и культурный центр северного Причерноморья. В гавани на рейде и у пирсов стоит множество кораблей из разных стран, наполняющих город толпами моряков и торговцев со всего Сре-

диземноморья и Причерноморья. В мирные дни рядом с мусульманами жили армяне и греки, украинцы и молдаване. В городе, неподалеку от мечети, расположилась и правила службу христианская церковь. За стенами города вдоль двух дорог, берущих начало у городских ворот, пристроились рядом сотни крытых тростником валашских домиков и юрты ногайцев, торговые лавки и трактиры, склады и мельницы. В пригородной степи до горизонта протянулись огороды и баштаны. Десятки, если не сотни голубятен периодически выпускали в небо стайки голубей. Голуби, генофонд которых в будущем, через столетия, позволит иметь собственное название – Николаевские голуби.

Базар напомнил мне сокровищницу пещеры Али-Бабы. Всего два десятка торговых лавок, но каких! Проходишь несколько шагов, и одна лавка, наполненная тысячей нужных вещей, сменяется на новую лавку, наполненную если не тысячей, то несколькими десятками ковров, каждый из которых – настоящий шедевр, вот прямо сейчас и никак не позже его надо купить себе, ну просто явная необходимость.

Остановился полюбоваться красотой и тут же попал под еще больший прессинг – торговца товаром. Конечно, понимаю, что это восточный базар и здесь хорошим тоном считают торговлю, но я ведь не люблю торговаться, какая в супермаркете или магазине, даже если это бутик, торговля.

Цены устраивают – покупай, нет – тогда иди, ищи, где дешевле.

Пытаюсь отойти от надоедливового торговца. Ан нет, не так все просто. Меня попытались даже за руку взять.

Отбиваю руку, хватающую меня за рукав.

– Что ты себе позволяешь? – хватаюсь за кортик, подвешенный на перевязи.

В это время торговец вдруг сник и начал униженно кланяться. Его глаза разглядели перевязь и кортик с символами якорей. Ненавязчиво свисающая, из-под одетой навывпуск полевой куртки, желтая перевязь снаряжения и кортик вместе с позолотой снаряжения определяют знатность и принадлежность к сословию благородных. Черный цвет ножен кортика также говорит о том, что это родовое оружие, и символизирует мудрость и осторожность, постоянства в испытаниях – как черта рода.

Это для нашего современника якорь, а для мусульманина или христианина средних веков это символ христианина «ЯКОРНЫЙ КРЕСТ», знак безопасности, устойчивости и надежды, христианского рыцаря, всегда готового прийти на помощь. Глаза торговца, поднявшись, сконцентрировались на пришитом в верхней части рукавов украинском двуцвете (желто-голубой флажок) – цвета рода сеньора, близкому к небожителям (император какой-либо восточной империи).

Для меня это кроме цветов государственного знамени Украины на полевой форме еще и цвета хоругви (знамени) запорожских козаков XVI–XVIII веков и украинцев в Грюнвальдской битве XIII века. Эти же цвета в 1803 году были

на знаменах, пожалованных Черноморскому казачьему войску (Запорожской Сечи) российским императором Александром I («старцем Федором Кузьмичом»).

После чего пришло понимание, казалось бы, непонятно какого цвета одежды – пиксельной полевой формы (желтый, зеленый, светло-зеленый и темно-зеленый цвета) и черно-белой майки-тельняшки, опять же означающие знатность и могущество, надежду и изобилие, осторожность и мудрость.

Да, отсутствие меха в одежде – неперемennого атрибута любого дворянина – сыграло со мной злую шутку. Надо будет немедленно исправить. Тем более, что и мех в символе моего рода есть – волчий. Беличий или горностаевый мне не нужен, а волчий мех – символ воев, не стыдно носить даже рядом с соболями.

Настоящая геральдика пока только начинает движение по Европе и планете. Так что могу делать все что хочу.

Вокруг меня и торговца мгновенно образовался вакуум. Если раньше я шел почти в толпе, то теперь проходящие мимо стали обходить нашу парочку по окружности.

Отвернувшись от надоедливого торговца, начал дальнейшее движение вдоль торговых рядов. Правда, теперь за моей спиной образовалась своего рода пробка.

Наконец я дошел до интересующей меня лавки. Лавке торговца стеклом. Цель моего поиска именно этой лавки проста. Нужны деньги. Деньги на дорожный сбор и получение подорожной, деньги на продукты и воду. Деньги как раз-

менная монета в новых портах и деньги на рабов.

А зачем рабы? – спросит наивный современник, отравленный идеями дерьмократизма.

А затем, что в средние века и ранее, да и в наше время, одни телохранители чего стоят, человек из даже самой бедной дворянской семьи не может быть один. Без свиты! Что это за дворянин или дворянка, за спинами у которых не маячат оруженосцы, дуэньи и телохранители, слуги и служанки?

У меня за спиной пока только – рюкзак, в котором находятся три стеклянные вазочки, граненые под хрусталь, и скопированные через стекло с атласа кальки Средиземного, Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей. По идее, это стоит огромные деньги.

Осматриваю лавку. Богатство и вычурность товара. Каждое изделие не похоже одно на другое. Каждое – настоящий шедевр. Итальянец – венецианец, наверное. Торговец, в отличие от торговца коврами, увидев высокого, голубоглазого с обросшим лицом европейца, одетого в непривычный стиль одежды, не торопится начинать беседу. Беседу должен начинать старший по происхождению, то есть аристократ, дворянин и т. п.

Мне нужны деньги, а его товар меня пока вообще не интересует. Снимаю рюкзак и достаю оттуда граненые стеклянные вазочки для цветов, графин с крышкой-стопочкой и колокольчик. Выкладываю на стол и предлагаю купить.

Купишь? – больше мне ему сказать нечего. Смотрю ему

в лицо.

То, что я выложил ему на стол, с одной стороны, простое и обыденное для меня, одновременно почти фантастика по чистоте стекла в 1571 году от Рождества Христова, или 7082 году от Сотворения мира.

Цену стекла я не знал. Торговец, явно пользуясь моим незнанием языка, реальной цены таких изделий на рынке и прочего и прочего, не остался внакладе, наконец, и я оказался с деньгами. Пяток золотых и 25 акче серебра.

Теперь мой путь к торговцу книгами, которого я вскорости и нашел. Но здесь, в этой лавке, у меня ничего не получилось. Точнее, географические карты его не заинтересовали как срочно необходимый товар. Карты имеют самую настоящую цену в Стамбуле или в Кафе, для этого торговцу надо еще и разбираться в этом.

Зато я увидел, сколько стоят обычные картинки – портреты. В стране, где нет художников, простейший пейзаж стоил кучу денег. Вот он мой будущий хлеб. Рисовать не как художник, а как копировщик, по клеточкам, я могу. В ноутбуке энциклопедий и прочего и прочего у меня нет, за исключением навигационной карты всей планеты. Но и того, что есть, вполне мне на всю жизнь хватит, исполняя в ретуши картины и копии снимков с камеры.

Это в будущем. А пока надо срочно обустроиваться и искать себе своего переводчика и своих людей. Если нет рода, то тогда он может быть создан, почти с нуля используя та-

ких же изгоев судьбы, как и сам, людей, попавших в рабство, объединив их вокруг себя.

Во времена расцвета империй воровство и насилие почти всегда исчезают из откровения жизни, прячась в тени и подполье. Один пример о девственнице и ее проезде по империи Чингисхана чего стоит, не надо забывать, что именно в эти времена появляется и граф Дракула с его золотыми кувшинами у колодцев на городской площади. Закон османцев об отрубании руки укравшего вора. Каково это, знать и жить по таким законам, здесь нет места вора. Поэтому, не беспокоясь о содержимом своего судна, я спокойно оставил его без охраны на рейде. Другое дело если бы я был в море или на реке, где царствует закон сильного.

Вот и участок базара, специализирующийся на торговле людьми. Всего пятерка торговцев, и выбор не массовый, но элитный. Здесь в городе продают дорогих представителей человечества, оказавшихся в неволе. Другое дело находящийся напротив Ачи-Кале рынок рабов Кинбурга, где пригоняют крестьянский люд с Московии и Украины, из Польши и Литвы, Кубани и Поволжья массовым порядком. Можно сказать стадами.

В Ачи-Кале продают людей, имеющих образование или мастерство или ожидающих, а может, и не ожидающих выкупа дворян и торговцев, воинов и обученную прислугу, девушек или не девушек и евнухов в восточные гаремы. Самое интересное это, что большинство предлагаемых для прода-

жи рабов – молодые рабыни и подростки. Оказывается, большинство мужчин почти сразу отправляют на продажу как гребцов или на каменоломни.

Выяснил, что сегодня день, в который не продают воев и мастеровых. Сегодня только невольниц продают. Завтра будут предлагать для продажи христианских воев и долговых рабов. Крестьян и прочих простых людей в Кинбурге можно купить. Наложницу мне нет необходимости покупать, поэтому решил купить выходцев из крестьян в Кинбурге на следующий день. Цена на рабов оказалась довольно высокой – примерно 150–250 ахче, или 3–4 золотых дуката. Возможно, моя идея по рабовладению несостоятельна.

Решил вернуться на базар. У меня есть еще дешевый товар, который, думаю, пойдет на ура, три искусственные веточки папоротника с золочеными листьями. Спустя некоторое время еще дукат и один мешочек с серебром оказался у меня в рюкзаке.

Возвращаюсь в порт. И тут внимание привлекло здание, из которого выходит какой-то крестьянин и крестится на выходе. Спустя минуту перед открытыми дверьми остановился вооруженный воин, перекрестился, поклонился и вошел вовнутрь.

Это здание оказалось церквушкой православной традиции вероисповедания, о чем говорил православный крест на здании. Решил пойти в храм, чтобы познакомиться с местным батюшкой и себя показать, надеюсь, без внимания и

помощи нового проезжего ортодоксального христианина не оставит. Кроме этого, что это за путешественник, который в церковь или мечеть не ходит. В этом времени отношение к религии с уважением – естественно.

Захожу вслед за воином в церквушку.

Чем-то родным повеяло на далекой чужбине. Православная церковь Очакова оказалась для меня почти единственным близким местом, где я словно вернулся в наше время. Все то же, что и в наше время, только имитации золота намного меньше. Простые иконы и люди внутри стали ближе и понятнее. Одеты, конечно, не так богато, ну и что. Все, так же как и спустя столетия, обращаются к Богу в радости и горе, с надеждой и отчаянием.

Вот оно – решение некоторых моих проблем.

Мой довольно высокий рост – 182 сантиметра – от папы с мамой достались, и необычная одежда со снаряжением, по сравнению с низкорослыми жителями XVI века, выделили меня из верующих, как говорится, с головой. Не заметить меня среди нескольких верующих было просто невозможно.

Не зная, какие в этом приходе обычаи, я решил смиренно подождать в сторонке и уголке, пока у местного батюшки не появится свободное время и на меня обратят внимание священнослужители.

Увидев, что приходящие, помолившись перед уходом, жертвуют на нужды церкви или остаются слегка в стороне от прихожан, продолжал молиться вместе со всеми. Насколько

знаю, в это время всякая торговая операция или просто появление денег у верующего автоматически влечет за собой добровольное пожертвование на благо церкви.

Решил тоже не остаться в стороне. Достал из кармана десяток серебряных монет и положил поверх кучи медяков пожертвования прихожан. И вновь занял место в углу, слушая читающего молитву священника.

Наконец служба богослужения закончилась. Прихожане в основном разошлись, и местный низкорослый и худощавый попик начал личное общение с верующими.

Подходящего священника встречают, сложив ладони, в которые батюшка, благословив, вкладывает свою руку для поцелуя.

Склоняю голову перед подошедшим священником, перекрестившись по православной традиции нашего времени. Все равно я местных ритуалов не знаю. Я и в свое время не часто церковь посещал. Так что тут уж одно. Надо говорить, что свой, но очень, очень далекий от церковных ритуалов верующий.

– Батюшка, благословите. Остался у меня позади долгий путь и начинается новая жизнь, – обратился к подошедшему священнослужителю.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Благословение Господне на вас... – священник осеняет меня крестным знаменем.

В ответ крещусь и смиренно преклоняю голову перед ба-

тюшкой.

– Мимо нуждающегося мирянина мы не можем пройти. Расскажите про это, пожалуйста, подробнее, – ответил батюшка.

– Батюшка. Промыслом Божиим совершил я дальний путь до города Ачи-Кале из города имени Святителя Николая, потеряв всех ближних своих на дому и в пути. Нет мне уже и обратной дороги. Один я остался в этом мире. Вокруг неверующих множество, и язык у всех другой, не понятен мне, но не оставил меня Спаситель и привел меня к храму своему, – постарался я не обманывать священнослужителя и в то же время не начать рассказывать мифы человеку из другой эпохи.

Священник средних веков ничего не сможет понять о теориях параллельных вселенных, относительности и парадоксах времени. Чудо оно и есть чудо, когда человека вдруг переносит в другой мир. Именно чудо – не исключает религия. Разве появление Святого Света – чудесным образом не есть чудо. Если что, то можно сказать, что чудесным образом путешествуя, добрался до Очакова.

– Вижу, из далекой страны мирянин к нам в храм пожаловал. Обычаев чужеземных, – изрек священник.

– Из очень, очень далекой страны я пожаловал, отче. Традиция богослужения и азбука писания текстов у нас отличается. Однако веры я ортодоксальной церкви и Святого Николая учениками основанной. И крест мой нательный сему

порука, — извлекаю из-под тельняшки свой немаленький натальный крест на солидной золотой цепочке.

Далее поведал я священнику о своем вынужденном одиночестве и попросил помощи в знакомстве меня с кем-либо, из очаковских прихожан, помощи, как переводчика, так и при получении документов, регистрирующих меня в Османской империи. Рассказал я священнослужителю и о своем желании освобождения из неволи нескольких христиан, но денег явно не хватает. Может, есть в общине кто-либо из желающих пойти в услужение.

Узнав, о моем прибытии в Очаков на своем судне, батюшка пообещал, что завтра мне придет в помощь человеке от общины. Есть в городе вдова, у которой средний сын, возможно, пойдет в слуги.

Эта идея мне понравилась. Батюшка практически подсказал мне, что необязательно покупать рабов. Для любого знатного сеньора всегда найдется желающий стать оруженосцем выходец из обедневшей семьи благородного происхождения. В слуги тоже отбоя не должно быть, в этом времени в многодетных семьях детей даже в рабство продавали ради того, чтобы ребенку было что есть, чтобы не умер от голода в своей семье.

А сколько воинов, потерявших сеньоров и дружины? Здесь куча народа ищет себе возможность устроиться в услужение в род или клан.

Думаю, не надо торопиться. Люди сами появятся в нуж-

ный момент.

– Благословите, – наконец заканчивается беседа, и я теперь могу удалиться.

Перед возвращением на свой бот я зашел в здание таможенного поста на пирсе и заплатил налог за подорожную. Здесь меня уже ждали с повелением на завтра – посетить с документами местного наместника, пашу по-турецки.

Дворец наместника расположился в бывшей цитадели старого города, в будущем его назовут замок Гасан-паши, а еще много позже 15-й батареей. Серые высокие стены, выдержавшие многочисленные осады, скрывали внутри себя двухэтажный дом с плоской крышей, из желтого кирпича, с фонтаном внутри двора, множеством кустов роз и тремя голубятнями.

Бей встретил меня в беседке у фонтана. Кусты цветущих роз, высаженные вокруг и оплетающие беседку, вместе со свежестью от фонтана создавали уют. Богатое шелковое платье, оружие и перстни на руках, расшитые золотом подушки резного дивана показывали достаток и благополучие хозяина.

– Большая редкость, когда в нашем городе появляются путешественники, побывавшие на землях китайского богдыхана, а со слов нашего подчиненного, вы появились из еще более дальних империй. Услышав такую новость, я не смог остаться в стороне и решил лично увидеть путешественника и ознакомиться с документами, так впечатлившими на-

ших чиновников. Даже если этот путешественник христианин. Как я понял, вы из знатной семьи, состоящей в дальнем родстве с нашими принцами из Мангула. Хотелось бы увидеть своими глазами ваше оружие и документы, – наместник прямо излучал благодушие и приветливость.

Достаю из кармана свои документы и передаю подошедшему ко мне слуге. Слуга, взяв из моих рук документы, передал их паше, рядом с которым стоял и знакомый мне переводчик.

– Угощайтесь. Здесь отменный виноград и груши из наших садов. Холодный каркаде прекрасно освежает, – предложил мне бей.

– Если у вас есть, я бы хотел, выпить кофе с шоколадом, а если его нет – то с шербетом, – поддерживаю беседу.

– Кофе. Вы любите кофе. Это большая редкость, увидеть христианина, любящего кофе. Сейчас нам сделают этот напиток, – воскликнул паша.

– Я люблю кофе. У меня на судне есть кофе из далекой империи. Если вы почтите мою небольшую яхту своим посещением, то я с удовольствием угощу вас бразильским кофе, цейлонским черным чаем или китайским зеленым чаем, – решил пригласить вельможу к себе на бот. Мне здесь придется селиться, и покровительство наместника края мне никак не помешает.

– Что это за названия напитков? Китайский чай, ясно, что из страны богдыханов. А где находятся страны Бразилия и

Цейлон? – как и всякий просвещенный человек своего времени, он любил услышать рассказы о новых странах и народах. Ведь эпоха географических открытий началась именно в это время, наместник проявил любознательность и поддержал беседу.

Основной способ передачи информации был устный, поэтому прием путешественников и торговцев из дальних стран был своего рода обычным явлением для многих сильных мира. Поэтому я и постарался указать названия напитков, которые в то время уже были известны, но стоили огромных денег. Собираясь на месяц путешествия, мы набрали достаточный запас продуктов и шоколада (который очень даже неплохо помогает против сонливости).

– О, уважаемый бей, Бразилия – это только недавно найденная португальцами земля в Южной Америке, в ее тропическом лесу растет много разных растений, в том числе и кусты таких растений, как кофейные и какао, из зерен которого делают шоколад. Цейлон – это большой остров, расположенный южнее Индии, в Индийском океане. На острове живет много эфиопов, там, на склонах гор и холмов, растут чайные кусты, из листьев которых получается более темный и терпкий чай, чем известный нам зеленый чай из Китая, – думаю, я смогу потратить недельку-вторую, рассказывая о чудесах на планете и добиваясь благосклонности паши.

– Ваши документы очень необычны. Такие письма, печати, исполнение различных видов и цветов. Ваша «турга»,

изготовленные из неизвестного металла маленькая и большая пайзы. Какое высокое мастерство искусного художника потребовалось для вашего портрета. Впервые вижу такой портрет с таким качеством исполнения. Такое исполнение бумаг, внутри которых видны надписи неизвестного языка, которым выполнены и записи документов. Подлинность документов не вызывает сомнения, и ни я, ни мои чиновники таких никогда не видели. Наш переводчик, знакомый с письмом москвитов и украинцев, смог прочесть содержимое ваших документов. Что удивительно! Похоже на константинопольское письмо, и московское, и украинское, но другое. В какой стране делают такие документы? – собеседник, как и его более младшие по чину чиновники, не смог скрыть удивления по поводу моих документов.

Еще бы не удивлялись. Каждый мой современник, собираясь в путешествие, берет с собой: паспорт (у меня с собой двух видов – внутренний и заграничный), права, техпаспорт на машину и судно, талон предупреждений и кредитки нескольких банков. Любой наш современник смог бы представить документы, на территории любой страны – от Испании до Японии или Индии, оказавшись в средние века на территории, где есть православный священник или мулла с переводчиком, – прочесть надписи на удостоверениях личности и прочих и прочих, исполненных на кириллице, нет сложности. Средства защиты документов, подписи, как у турецкого султана, печати и бумага с водяными знаками. Под-

линность документов для того времени даже не подвергалась бы сомнению. Ведь цена бумаги в те времена была на вес серебра. Цена подделки была бы настолько дорогой, что автоматически делала бы владельца этого документа богатым и уважаемым человеком.

Паспорт, с трезубцем, с государственным флагом, печатями и подписями, родовой фамилией, именем и отчеством (первейший признак высшего общества), водяными знаками «УКРАЇНА» и прочими средствами современной защиты – такой документ просто бальзам для чиновника. А диплом ЧУВАКА!!!

Один талон предупреждений водителя с голограммой, в которой житель какой-нибудь Поднебесной империи, или Кореи, или Японии узнал бы императорскую хризантему Японии, внутри которой трезубец на техпаспорте машины. Трезубец Рюриковичей времен Святослава и князя Игоря, имя которого написано во всех документах, там же и отчество Владимира. Значит, владелец документа ведет родословную от предков не менее шести столетий для жителя времен 1570 года. Трезубец Рюриковичей – круто, но Рюриковичей теперь в Московии, Литве и Польше... просто каждый второй боярин или шляхтич.

Вот что должен был увидеть в современных документах любой образованный человек того времени.

– У вас здесь кругом надпись «УКРАИНА», где же расположена ваша страна? – любопытствовал паша.

На этот счет я придумал вполне жизнестойкую легенду. Никого не обману и в то же время создам поле для воображения слушающего. И даже на исповеди обмана как такового не будет. Решил я описывать город Николаев, только который на Амуре. Когда-то я там служил и местность не понаслышке знаю.

— Город Николаев, откуда я явился, расположен на могучей реке Амур, на самом краю нашего континента, отсюда и название — «УКРАИНА». В той части света существует сейчас несколько империй. Империя китайского богдыхана, остатки империи Чингисхана — Великая Тартария, Империя Восходящего Солнца — Япония и королевство Чосон — будущая Корея. Река Амур протекает севернее великой китайской стены и вытекает в огромный Тихий океан. Прямо напротив устья этой реки находится остров Сахалин, южнее которого расположены острова Японии, и полуостров, на котором находится корейская империя Чосон. Если плыть на корабле вдоль берега дальше на юг, то можно попасть в Индию, потом в страну персидского шаха и, наконец, добраться до османского города Багдада, откуда родом Синбад-мореход. Мои предки по матери служили еще во времена князя Игоря телохранителями императора Поднебесной империи, после чего поселились на острове Хоккайдо, подчинив себе дикие племена айнов и ненцев, живущие в том краю земли на островах и реке Амур. Там же в честь Святейшего Николая и был основан наш город Николаевск-на-Амуре. Бли-

жайшими соседями у нашего княжества были: Страна Восходящего Солнца, государство Чосон и маньчжурское государство чжурчженей.

Мой прадед Марк, внук Георгио Терселле – готского генерала начала пятнадцатого столетия, воспитанник князя Константина – принца из Мангупа, в его свите прибыл в Москву в 1472 году. Женился на княжне Бики, по матери Бики-хатум, внучке князей Захария, владельца княжества Тмутаракань и черкесского князя Берозока. После принятия наставником монашества в Ферапонтовом монастыре Московии, в 1489 году, отправился новиком с несколькими семьями вассалов из готских городов и наемной дружиной русичей в Пекин, столицу Китая. Воевал в войске богдыхана на юге Поднебесной империи. Потом дружина витязей воевала в войсках императора в Чосоне, и наконец, он оказался в Николаеве.

Три года назад, после Черного Мора, когда вымерли целые города в нашем княжестве, королевство чжурчженей напало на наше княжество и захватило его, полностью уничтожив все наши города. В это время я учился в королевстве Чосон, где и закончил университет. Возвращаться было некуда, вот и решил вернуться на родину прадеда в княжество Феодоро. Далее по реке Амур поднялся до ее верховьев – к казачьей деревне Албазин. Потом с тремя своими дружинниками добрался до озера Байкал. Оттуда по реке добрался до Ледовитого океана и городка князя Мангоза (Мангазея)

на северо-востоке в Югорской земле, за владениями новгородцев, где, по моему проекту, мне построили яхту. Потом по Северному Ледовитому океану я добрался до новгородских земель в Поморский край к Михаило-Архангельскому монастырю. Потом были волоки от реки Двина и путь «из варяг в греки». Сразу за днепровскими порогами на меня напали разбойники, когда и погибли два оставшихся моих дружинника. Потом по ночам я спустился до низовий Днепра. И вот теперь, наконец, добрался до Ачи-Кале. Теперь думаю – где смогу найти свой новый дом? Собираюсь посетить княжество Феодоро и увидеть своих дальних родственников – принцев Мангупа. Как я узнал, они стали вассалами Османского государя. Несмотря на то, что остаются христианами. Не думаю, что меня ждут с распростертыми объятиями. В вассалы к дальним родственникам идти не собираюсь. Там, в Стране Сорока Замков, есть замок, называемый ЧОРГУНЬСКАЯ БАШНЯ, на реке Черная, где проживали мои предки и семьи вассалов. Возможно, удастся найти там себе новых вассалов – из родичей бывших наследных вассалов семьи. Потом буду искать местность, где смогу осесть и восстановить свой род. Прежде чем прибыть в Ачи-Кале, я поднимался по реке Буг, до мест, где во времена Киевской Руси в Галицком княжестве у одного из моих прадедов, по материнской линии, были владения, – закончил свое сказание и версию своего появления на территории наместника.

История Крымской Готии проста и легко запоминается,

тем более что маленькое христианское княжество, существовавшее пару столетий еще со времен Крестовых походов и несколько десятилетий внутри Османской империи, достойно внимания. Княжество Сорока Замков – княжество Феодоро, одно из самых неисследованных государств Причерноморья, история которого спрятана в веках.

– И где же были владения вашего предка на реке Южный Буг? – полюбопытствовал бей.

– Рядом с первыми драконьими камнями – нижними порогами Южного Буга – есть острова и мыс на правом берегу. Именно там раньше был детинец моего предка по матери Ярополка, – указал место, в котором я появился в этом мире и в котором, возможно, есть проход обратно.

– Я обратил внимание, что вы не носите меч или саблю, нет у вас и щита, не носите доспехи. У вас есть только кортик и шлем необычной формы, сделанный из неизвестного материала. Арбалет у вас тоже необычный. Кто же вы? Если княжий сын, то почему ходите как простой торговец? – задал вопрос наместник.

– Наш род специализировался на войне на море. С детства в специализированном училище, я учился в Чосоне на капитана военного корабля с пушками и броней. Учился составлять карты и ходить в море без берегов и воевать на кораблях, стрелять из пушек и мушкетов. В нашей стране практически не используют лошадей. Вместо лошадей используют северных оленей, они не боятся морозов, едят мох из-

под снега. Основная связь между городами и поселками осуществляется по воде, а зимой на нартах с оленьими упряжками. Так же ездят на оленях лапландцы и нанайцы, живущие возле свеев и новгородцев далеко на севере. Поэтому на лошадях я практически не умею ездить. Наше княжество – это территория огромных расстояний между поселениями и непроходимая тайга, в которой живут тигры и медведи, есть горы и множество болот, где нет людей, а зимой мороз до тридцати – сорока градусов. Всего несколько десятков тысяч человек жило на территории размером с Европу, – начал я свое объяснение вопроса.

Корейские средневековые броненосцы доказали свою необходимость и соответствие эпохе. Поэтому я с чистой совестью объявил себя аристократом из морского клана, учившегося воевать на средневековых броненосцах и не умеющего обращаться с лошадью.

– Мой доспех удобен в бою на корабле. Специальная ткань из шелка, и броня из дорогого легкого металла, который делают в Японии, защищает от стрел и пуль, не мешая двигаться на корабле. Вы же знаете, что богатые китайцы вместо кольчуг носят одеяния в пятнадцать слоев шелка, которые даже стрела не пробивает. Вот и эта броня такого типа – называется разгрузка, внутри, в специальных карманах, размещены металлические пластины, усиливающие защиту. Мои одеяния морского воина удобны для движения на корабле. А окрас одежд бывает двух видов: для войны на мо-

ре – темно-синий с серым оттенком и для войны на берегу – зеленый, чтобы прятаться в тайге. Главное – именное оружие, это номерной кортик капитана, с гербом флота, на котором нанесен океанский корабль, и арбалет, изготовленный в Чосоне, из растущих в океане на далеких островах деревьев. Шлем тоже легкий, изготовленный из смолы того же дерева. Умею стрелять самыми современными пушками и мушкетами. Изучал фортификацию и тактику мушкетеров, но в сражениях не участвовал. Участвовал в боях с грабителями на пути к царству султана, – наконец закончил свои объяснения. – Кроме этого, у меня есть оружие, заменяющее меч. Вам ведь знакомы новомодные итальянские рапиры, которыми поражается рыцарь, вооруженный в полный доспех сквозь сочленения последнего. Так вот у меня сейчас с собой такое оружие, на которое вы не обратили внимания.

Беру в руки свою трость и превращаю ее сначала в короткую трехгранную шпагу (штык от трехлинейки со специальной рукояткой), а потом трубка трости превращает мой штык в небольшое копьё. Передаю удивленному вельможе свое разобранный скрытое оружие.

– Интересно. Как я понимаю, воин, получивший укол такого оружия, вряд ли выживет. Сталь тоже великолепная. Будучи капитаном военного судна, по османским законам, вы можете носить титул «рейса», входя в состав флота султана и подчиняясь бею нашего санджака (морской провинции), так как вы владелец судна, то оно, конечно же, становится на

учете в ведомстве капудан-паши империи. Как артиллериста вас можно называть «топчи» и готовым командиром исарелы (артиллеристов крепости и провинции) нашего войска сerratкулы (провинциального войска). Как христианин вы можете служить в войске султана, как в янычарах, так и как обычный генюлло (доброволец), и, без сомнения, являетесь «райя» (военным сословием). Какой титул, согласно табели о рангах, имел ваш отец? – неожиданно разговор об оружии был переведен к титулу родителей.

– Можно сказать, что мой отец был «служебным» князем, наместником в воеводстве или графом по европейским титулам, – определил я свой наследный титул перед вельможей.

– Вы можете на карте отразить свой путь, нанести страны, о которых вы рассказали? – справившись с удивлением превращения трости в оружие и возвращая ее мне, вельможа озвучил новый, давно ожидаемый мною вопрос.

– Конечно, но это займет некоторое время, и я не знаю ваших правил чистописания и составления карт, – постарался я показать свои знания в картографии и ученость. Если не можешь соответствовать уровню рубаки от аристократии, то срочно покажи свою ученость, равняющую тебя с аристократией морского происхождения.

– Для составления документов, разрешающих ваше путешествие по землям и морям султана, наши лучшие писцы должны сделать копии с ваших документов и отправить их в Стамбул, с пояснениями. Поэтому вам придется задержаться

на несколько седмиц в нашем городе. Соответственное разрешение будет подписано завтра. Временно, до решения по вашему вопросу в Стамбуле, мы предоставляем вам ограниченные права ваших родственников из Мангупа. Как только копии ваших документов отправятся в Стамбул, мы разрешаем вам посетить Мангупский кадылык султана в Крымском ханстве, с возвращением в Ачи-Кале в течение месяца. Я принимаю ваше приглашение на кофе и завтра посетую вашу яхту. О времени прибытия вас оповестят. Сегодня вам выделяют место для стоянки на территории военных причалов, — закончил беседу бей.

Новое утро в Ачи-Кале началось с наведения порядка на боте и уборки с глаз гостей шокирующих предметов и принадлежностей. Моторный отсек спрятать не удастся. Придется рассказывать о паровом двигателе, работающем на земляном масле. Да, как не хочется делать приборку в моторном отсеке.

Маленький рыбацкий куттер, один из сотен в свое время строившихся в Германской Демократической Республике (ГДР) для стран Варшавского Договора, с экипажем до шести человек, предназначенных в первую очередь не для рыбаков, а для проведения тральных операций по противоминному тралению (военно-морское минное мясо), спустя полстолетия все еще в прекрасном состоянии. После небольшого ремонта и модернизации вместе со мной начал новую жизнь.

Для простого обывателя ну малыш, ну труженик, ну сильный и мореходный, для специалиста это еще и парусник, куттер, родоначальник семейства парусников, с которого началась морская мощь Англии и пиратство в Карибском море.

Новый день я встретил с утренней новости. На пирсе у бота стоит женщина с тремя детьми. Два мальчика и девочка.

– Благодать вам и мир от Бога Отца нашего, – все четверо крестятся и кланяются в пояс.

– И духу твоему, – отвечаю здоровающимся со мной.

– Слава Богу, – вновь все четверо крестятся и кланяются в пояс.

– Вовеки слава, – церемония приветствия уже столетия практически не меняется.

По сходне спускаюсь на дощатый настил пирса и приступаю к осмотру гостей.

– Брат Игорь, наш батюшка отец Михаил, поведал нам о том, что желаете вы набирать в услужение добрых христиан, – молодая по нашим меркам женщина, явно нервничая и не поднимая глаз, теребила в руках небольшой узелок с вещами.

– Чьих будете? – вопрос о происхождении – один из главных вопросов при знакомстве.

– Вдовая я. Муж грузчиком работал. Прачкой при крепости на жизнь зарабатываю, – услышал ответ.

Одежда чистая и заштопанная. Все трое босиком. Невысокая, склонная к полноте молодая женщина, лицо уже несет

на себе возрастные морщины. Во рту нет одного зуба.

Дети явно ухоженные. Смотрю руки каждого.

Да, руки прачки. У десятилетнего мальчишки на руках крепкая и загрубевшая кожа пальцев рыбака, достающего рыбу из холодной воды. Девятилетняя девочка держит рукой младшего, примерно шести лет от роду, любопытного мальчишка. Судя по всему, на ней дом и младший брат. Ребенок борется с детской любознательностью и попыткой вести себя как взрослый.

– Думаю, что отец Михаил уже вам объяснил, что я чужеземец и не знаю местных обычаев. Также я не знаю местных языков. Хочу нанять слугу и прачку, кого-то, кто сможет приготовить обед мне и моим людям. На судне нужен матрос и даже вой мне в дружину сгодится. Еще, так как я не знаю местных языков, то думаю, что мне сгодится и постреленок, меня сопровождающий и выполняющий мелкие поручения, – озвучил предложение всей семье и еще кого знают. – Обязательное условие. Поддерживать чистоту, одеваться в чистое и посещать баню раз в седмицу. Можете использовать душ на боте, – уточнил вопросы гигиены. – А теперь поднимайтесь на борт и давайте знакомиться с яхтой, – пригласил на борт вдовью семью.

Уже через час десятилетний Николай взялся за швабру и начал наводить порядок, а я с его семейством сошел на берег для закупки продуктов и подготовки встречи бея.

Ближе к обеду к боту, наконец, пожаловали гости.

Не так часто к Ачи-Кале приходят корабли, и еще больший интерес вызвала конструкция яхты. В маленьком гарнизоне крепости и городка новости разносятся буквально мгновенно. Вместе с беем на бот пришли и командир сторожевых галер Кали-рейс и Мурад-топчи, главный командир артиллеристов войска сераткулы.

Шашлык из ягненка, спиннинг и удочки для рыбалки, оборудование яхты, застекленная кабина которой произвела настоящий шок среди гостей... Столько стекла и такого качества еще никто из гостей не видел. Качество простейших удочек и леска тоже доставили немало удивления и гостям. Гости так нахваливали невиданные средства рыбалки, что решил тут же подарить каждому по удочке и несколько крючков на запас.

От качества калек с моих карт, где отображено все Черное море и Днепровский лиман, рейс загорелся как факел, как и каким образом у чужеземца появились такие подробные карты. Пришлось рассказывать о наследии древних греков времен Аристотеля. Очень удивило рейса ориентирование карт, в которых север находится не в нижней, а в верхней части карты. Рассказы о принципах счисления, морской астрономии и хронометраже времени для определения места корабля, подкрепляемые имеющимися в наличии секстаном, штурманским транспортиром, параллельной линейкой и часами, подняли мой авторитет до уровня не менее ровни, а то и более. В вопросах навигации я смог открыть ему несколько

аксиом. Прошло всего полчаса общения, и Кали-рейс стал величать меня Ингварь-рейсом.

Не остался в стороне и Мурад-топчи. Вначале его поразили арбалеты. Позже рассказ о прицеливании по движущейся морской цели и расчет упреждения за счет учета времени полета ядра к кораблю – цели – расположили ко мне главного крепостного артиллериста. Если ранее, заходя на бот, топчи, еще и сомневался в новоявленном артиллеристе, то теперь снисходительность начала беседы сменилась на явную заинтересованность. Еще более удивил уважаемого артиллериста рассказ об организации стрельбы по невидимой цели. В это время навесным огнем стреляют мортиры, но понятие корректировки огня при условии ненаблюдения попаданий стреляющим наводчиком – фантастика. Привел тему как тему, которая рассматривалась в моей академии как будущее развитие артиллерийской науки. В этом времени во всей Османской империи всего-то чуть более тысячи артиллеристов, которые не только стреляют, но и изготавливают орудия. Так что встретить настоящего топчи и добиться его расположения стоило очень многих усилий.

В итоге Мурад-топчи, пригласил меня и компанию в гости, на следующий день в крепость, где завтра собираются провести учебные стрельбы из крепостных орудий и аркебуз янычаров. Не остался в стороне и рейс, тоже пригласив меня и компанию в гости через день на галерный отряд. Также пообещал познакомить меня с местным картографом и помочь

в распространении калек морей и мира.

Кажется, убывшие с куттера гости ушли довольные и первую проверку со стороны бея и главных крепостных офицеров я прошел. Теперь я с чистой совестью могу представляться как минимум рейсом (капитаном военного корабля) и не бояться носить оружие в Османской империи.

На следующий день мой куттер посетили Кали-рейс со своим заместителем и пара капитанов еще двух галер из состава галерного отряда, базирующегося в очаковской гавани.

А далее мне предложили показать, как я управляю своим судном и его мореходные качества.

Погода оказалась как по заказу. Шлюпочный парус с использованием бокового ветра позволил отойти от пирса без использования весел.

Отдали швартовы, ветер надул трапециевидный парус, корпус слегка наклонился влево, руль тоже лег на левый борт, и кораблик вздрагивает и начинает постепенное движение с ускорением от пирса в сторону рейда. Несколько мгновений, и журчащая вода заструилась вдоль бортов бота, оставляя за кормой пирс.

Фиксирую руль и начинаю превращать косой парус в прямой, изменив крепеж паруса и его ориентирование на мачте относительно корпуса.

Вновь забегаю в рубку, корректирую курс, фиксирую руль и устремляюсь на палубу для подъема дополнительного па-

русного вооружения на передней мачте. Маленький корабль с поднятием каждого нового паруса существенно ускоряется, и вот уже три паруса заставляют корабль бежать по морской глади с немыслимой для галер скоростью порядка 9 узлов (15 километров в час).

Маленькая рубка и небольшое пространство вокруг нее достаточно стесненное для четырех морских представителей турецкой флотилии, но к этому не привыкать людям, живущим в море. Все наслаждаются скоростью и ходом корабля.

Установленный на корме пеленгатор практически занят турецкими рейсами (капитанами). Развернутая на крыше трюма калька северной части Черного моря и Днепро-Бугского лимана вызвала вначале удивление своей непривычной ориентацией относительно сторон света, но буквально мгновенно стала корректироваться с нанесением местных ориентиров и изменений за столетия.

По поводу несоответствия карты реальности вполне устроили объяснения о том, что эти кальки соответствуют древнегреческим временам.

Удивление вызывает не только пеленгатор и секстан с магнитным компасом, но и обычные часы. В это время прообраз корабельного хронометра можно купить где-нибудь в Амстердаме, за цену, соизмеримую со стоимостью каравеллы или галеаса.

Проходят несколько десятков минут, и на кальке проявляется фактическая прокладка. Через час ходкого движения

земля прячется за кормой и куттер уже движется без ориентиров.

Устанавливаю фиксированный курс корабля, за рулем становится мой слуга, и теперь можно приступить к угощению гостей шашлыком, приготавливаемым в процессе перехода на закрепленном на борту мангале. Шашлык на свежем морском воздухе в открытом море весной под палящим солнцем, в тени брезентового тента – еще то удовольствие. Наконец спустя еще часок поворачиваем на северо-восток с замыслом выйти к северной оконечности Тендеровской косы.

Ветер теперь не толкает бот в море, а дует почти навстречу, парусное вооружение уже работает не в режиме прямых, а в режиме косых парусов, дующий в левую скулу ветер наклонил корпус корабля на правый борт, а мачтовые паруса издалика смотрятся как косые. Куттер уверенно устремился в расчетную точку встречи с северной оконечностью Тендеровской косы. Неизменный ветер и скорость выводят куттер через полтора часа к острову.

Новый поворот, и маленький корабль устремился на северо-запад, на вход в Днепро-Бугский лиман. Корабельные паруса наполнены ветром, дующим в правую скулу, завалив корпус на левый борт. Спустя еще час корабль приходит на рейд Очакова.

Прокладка на карте отразила фигуру, похожую на треугольник, вершина которого зафиксирована на входе в Дне-

про-Бугский лиман.

К пирсу швартуюсь с помощью только одного носового паруса, благо встречающие на пирсе успевают почти мгновенно принять швартовный трос и закрепить его. Несколько минут, и небольшой кораблик уже вновь занял свое место у пирса.

Сходящие с борта морские капитаны (рейсы) теперь уже приглашают к себе на галеры в гости, величая меня Ингварь-рейсом.

Допуск к управлению кораблем в Османской империи, судя по всему, получен.

Глава 2

Мангупский кадылык

Мангупский кадылык, входящий в эйялет Кефе, в XVI веке, – это территория Крыма, находящаяся вне юрисдикции хана. Здесь жили христианские подданные султана – восточные готы, потомки которых спустя столетия, в XVIII веке, будут переселены в строящийся город Мариуполь Российской империи.

Ветры с суши и с моря, изменяясь утром и вечером, дуют в направлении порта Инкерман, бывшего порта Авлита, Феодорского княжества, освежая воздух и в то же время благоприятствуя входу и выходу судов, тогда как в открытом море, вне порта, всего более господствуют северо-западный и северо-восточный ветры.

Город-крепость, расположенный на горе на правом берегу реки Черной, составляет удивительный ансамбль – каменная крепость, мечеть и пещерный монастырь, высеченный под крепостью и напротив нее.

Практически в городе расположился пещерный монастырь святого Климента, высеченный в западном обрыве Монастырской скалы, куда я и собрался в гости.

Здесь, в этом центре христианской цивилизации Причерноморья, я прибыл на встречу с Констанцием – митрополи-

том Готским, только недавно ставшим архиереем и главным иерархом Мангупского кадылыка.

Почти два месяца прошло с тех пор, как некий попадаец оказался в далеком прошлом, на своей небольшой яхте. За это время некий христианский новик, а как еще назвать дворянского отпрыска, у которого едва появилась борода, доказал, что он не зря получил звание рейса. Не прошло и пары недель, как капитан и куттер «Святой Николай» были отправлены командиром Очаковской гребной флотилии в главный арсенал флота, Касимпаша, резиденцию капудан-паши в Стамбуле на встречу с бывшим командующим османского флота Пияле-пашой.

Всему виной оказались кальки карт Средиземного моря и представление новой мобилизационной единицы Османского флота, приписанной к войску сераткулы (провинции) крепости Ачи-Кале, как курьерский корабль, а также подтверждение звания рейса и флотского топчу молодому эфенди-ага Ингварю сыну Теодемира, родом из тимариотов государей Дешта и Мангупы. Именно так и никак иначе. И не могло быть по-другому.

Как изучали и до сих пор изучают историю – по письмам, корням слов и словосочетаний, монетам и керамике, и на основе анализа имеющейся информации по известной истории и легенде ответчика.

За сто лет до описываемых событий город Очаков (крепость Ачи-Кале) именовался как Дешт, входил в состав Га-

лицкого княжества и в наследные владения великого князя Литовского, посадившего на ханский престол Крыма династию Гиреев. В посольских документах того времени литовский князь именовался как государь Дешта. В ходе войн с Османской империей княжество Литовское потеряло контроль над Дештом, передав его вначале в состав Крымского ханства, а уже потом крымский хан передал эту крепость султану, переименованную в Ачи-Кале.

Огромная территория бывшего Галицкого княжества, от Дуная на юге и бассейна нижнего течения Южного Буга, в результате войн оказалась практически незаселенной. Кочевые племенные союзы в виде будущей восьмидесяти тысячной Буджакской орды – вот и все население Дикого поля, подконтрольного бею крепости Ачи-Кале.

Любой человек, заявивший права в Османской империи на территории Очаковского эялета и подтверждавший права хоть какой-либо бумагой, становился своего рода пионером Дикого поля Османской империи шестнадцатого столетия, словно пионер-переселенец Далекого Запада в США в XIX веке.

Рюриковские имена, склоняемые в древнегерманских и греческих вариантах, род древлянских племени Киевской Руси, с документами, разновидностями тамги, и пайза, в подлинности которых нет сомнений, – что еще надо? У любого образованного человека шестнадцатого столетия, имеющего в распоряжении записи рождений церковных книг и случай-

но сохранившихся летописей, явно не должно возникать сомнений и желаний опровергнуть написанное. В любом случае полученные любые данные приводят следователей к более упрощенным выводам и приведению документов к более упрощенной форме их изложения, в виде выписывания новых сопроводительных документов.

Когда-то в отпуске удалось выделить время и провести отдых в Крыму с экскурсиями по Севастополю и местам боев при обороне города во времена Великой Отечественной войны. Тогда же мной впервые была услышана история Феодоритов и совершенно восхождение с экскурсией на гору Хаоса, с ее развалинами какого-то замка, церкви и освященного источника у подножия горы. Так как в детстве я мечтал стать археологом и любил историю, то с удовольствием порылся в истории княжества Феодоро. Удивил тогда факт того, что княжество в основном правилось братьями, с несколькими именами, как правило, повторяющими имена прародителей, и самое главное – практически в документах о Готии нет упоминаний о вассалах князей.

Единственными влиятельными феодорийцами не княжеского рода оказались Георгио Терселле (Georgio Terselle) и Георгио Ваша (Georgio Vacha), проявившие себя в войне и политике Готии и колонии-консульства Чембало генуэзцев в начале XV века. Логичным становится предположение, что род Георгио, вассалов князей Феодоро, имеет имения где-то рядом с крепостью Чембало, а так как замок Камара Ис-

ар на горе Хаоса (Каю) имеет имя рядом находящейся деревни Камара, то и владелец этих мест должен иметь фамилию, которая созвучна с названием деревни. Соответственно наследников рода Георгио возможно объявить из рода владетелей Камара. Ну не будут же княжеские отпрыски охранять границы княжества. Далее все более-менее просто. Замок явно готической постройки, не эпохи Ренессанса и прочего, а именно – ГОТИКА.

Получается, что владельцы замка на горе, деревни или еще какой-нибудь деревеньки рядом с начальными буквами, как у горы Каю, например Камара и Карань, в соответствии с летописями (при которых османцы вырезали всю аристократию княжества), явно не выжили. Иначе бы они как-то отстроили наследные владения.

Раз готские владельцы, из рода владетелей до османского вторжения, не отстроили замок, а мангупские владыки на них не обратили своего внимания, то настоящий авантюрист с неизвестным происхождением может вполне обоснованно описать владения на словах, подкрепив легенду передаваемым по наследству планом-схемой, сродни карты «Острова сокровищ» Роберта Стивенсона.

Так и возник предок из рода Георгио владетелей Камара, вассалов князей Феодоро, еще до османского нашествия.

Теперь берем шариковую ручку и наносим план с поясняющим маршрутом, как добираться до владений. Датируем полученный документ, каким-нибудь 1480 годом. Дополни-

тельно наносим на план южную часть Крыма, Севастопольскую бухту и Инкерман, реку Черная и пути к горе Каю, через деревни Чоргунь и Камара, с ориентирами в виде Чоргуньской башни, святого источника, замка и церкви на вершине горы, с двух сторон огражденной каньонами реки Черная и ее притока Сухая. Документ, исполненный на бумаге, которой еще нет возможности производить в XVI веке, слегка старим и получаем старинный план, в стиле Стивенсона и его «Острова сокровищ».

Далее батюшка из крепости Ачи-Кале посылает письмо митрополиту, с благой вестью, что один из сынов православной церкви истинно Готийской митрополии вернулся домой из далекого Китая и ищет родственников в Мангупе. Не написать не сможет, а вдруг это проходимец и враг церкви. Потом по запросу в сохранившихся летописях и церковных книгах. Без всяких вдруг документы с именами Игорь и Владимир имеют древнегерманские (читаем как готские), варяжские и древнегреческие и прочая, и прочая корни.

Игорь, он же Ингварь, он же Гоша или Гарик, а тот созвучен с Георгием, значит, имя также феодорийского происхождения, не только как готский Ингварь, но и как греческий Георгий. По отцу Владимир, он же Теодемир, Валамир, Видимир – готские, тоже вестготские, имена. Не надо даже говорить о Рюриковичах.

Что там по старинному плану и предку по имени Георгий Терселле? Вот это да! Села на осликов пара монахов и по ста-

ринному плану оказалась у развалин замка на вершине горы, у подножия которой есть источник Иоанна Предтечи возле христианского селения Камары. По летописи города Кафа в 1411 и 1421 годах были послы от владельцев Феодоро, их вассалы из рода Георгио. Оказывается, в 1411 году в княжестве Феодоро был полководец Georgio Terselle, и очень даже может быть, что внук вассала князей Феодоро, греческого происхождения по имени Марк, мог воспитываться князем Константином, сопровождавшим княгиню Софью в 1472 году в Москву.

Теперь проверяем запрос по линии вассалов новоявленного сеньора из феодорийской аристократии тех лет. Прозвища Юрий, Федор и Александр и Афенди, в переводе на готские и греческие, одни из самых распространенных в деревнях вокруг горы Каю: Йури, Тодор, Алекси и Александр, Афендике – каждый второй и третий в селах Камаре, Карани и Чоргунь, и даже Бандази с Триандафилами заявили, что также были потомственными вассалами сеньоров замка Камаре, что на горе Каю.

Монахам из монастыря не удалось спрятать причину интереса митрополита за историей расположенной в горной местности деревни и замка над ней. Весть о появлении наследника владельцев Камара всколыхнула окрестности, особенно отца Стефана, священника Камара и Чоргунь, ведь это сразу же меняет статус прихода. Из числа жителей прихода нашелся даже столетний дедок, по имени Тодор Триан-

дафил, который когда-то видел владельца замка на горе, он, конечно же, сможет опознать его наследника, правнука господина – высокого блондина, поднимавшего коня на плечи.

В монастырь монахи возвращались уже в сопровождении почтенного старца Тодора Триандафила, сопровождаемого его внуком Косте сыном Тодора, зрелым мужем Трифо Йури и приходским священником, отцом Стефаном. Собранных общиной двух деревень денег хватило на аренду рыбацкого баркаса, который уже через сутки после общения с архиереем Констанцием вышел в море, везя на борту кроме почтенного старца еще и монаха Димитриу, привлеченного к расследованию митрополита, в крепость Ачи-Кале.

Еще один монах, побывавший на горе Каю и проводивший расследование, вместе с письмом митрополита убыл в город Кафу, во дворец принцев Феодоритов, на встречу с Касым-беем, владельцем Мангупа бейлербеем Кафы, черкесом по национальности, и амингуитскими принцами. Весть о появлении единственного наследного вассала старой, еще до-османской, эпохи утаить от наследников князей Феодоро не получится. Да и нет необходимости.

Почему единственного, да потому, что спустя сто лет после завоевания княжества Феодоро, в 1560 году, существовал единственный отряд готов-мушкетеров в составе 800 стрелков, руководимых лично амингуитскими принцами. Мушкетеры крымского региона, придаваемые периодически в подчинение крымскому хану, в отличие от фран-

кузских, набирались из состава крестьян – крымских готов, именуемых в документах как «янычары из Кафы», крымские стрельцы или ханские стрелки-тюфенчи.

Проверить образование новоиспеченного вассала не составляет труда – знания и ученость лежат на поверхности, о чем и отписал митрополиту отец Михаил.

В любое время любой правитель ищет новые кадры, способные решать задачи более высокого уровня, чем подай, принеси или пойдй, порубись саблями. «Кадровый голод» в любой эпохе и времени – неизбежная составляющая работы любого управленческого аппарата.

Что-то удивительное происходило и в крепости Ачи-Кале. После захвата крепости днепровскими казаками в 1568 году прошло всего полтора года, и население крепости пока составляло всего около двух тысяч душ, в основном имеющих отношение к гарнизону крепости и слуг офицеров гарнизона. Христианская община вместе с армянской составляла всего чуть более пары сотен жителей, еще полусотня торговцев, то прибывающих в город, то убывающих к новым торговым городам. Иногда крепость у моря посещалась ставкой хана Дивей-мурзы или маленькими кочевьями переселявшихся в северное Причерноморье ногаев.

Появление в маленькой христианской общине крепости обеспеченного дворянского отпрыска вызвало немалый переполох. Ранее самыми обеспеченными прихожанами церкви были – один торговец, несколько кузнецов и кожевников.

Пара семей рыбаков и несколько вдов, выполняющих функции крепостных прачек, еле сводили концы с концами и как таковые погоды в общине не делали. На представителя более высокого сословного ранга почти мгновенно возлагается не только первое и почетное место среди молящихся в храме по воскресеньям, но и соответственно представление общины и защита ее интересов в среде администрации крепости и ее высшего начальства, в среде аристократии крепости. Попасть на прием к бею крепости иноверцу торговцу или ремесленнику намного труднее, чем обязанному участвовать в общественной жизни высшего общества крепости, города и эйялета представителю тимариотов (дворян) Османской империи, даже если он и не относится к мусульманской общине.

На третий день, уже в первой воскресной службе, на которую меня специально пригласили, мне выделили место во главе прихожан, собравшихся в храме, на самом почетном месте. За моей спиной как-то само собой оказались несколько похожих на казаков воинов, разного возраста, которых возглавил седой одноногий воин с длинными усами и оселедцем.

С другой стороны, но ни в коем случае не наравне, слева и сзади, расположились люди торгового и трудового сословия. В самом конце небольшого собрания заняли место вдовы женщины вместе с детьми и парочка нищих. Небольшая церквушка оказалась переполнена людьми.

Взял себе в услужение подростка десяти лет от роду. Платить думал немного, ну и на довольствие, казалось, взял. Это я так думал! На самом деле в услужение — то есть за хлеб и воду, и там, что с барского плеча перепадет.

Оказывается, взял я старшего сына и главу маленькой семьи, в которой теперь даже мать должна слушаться старшего мужчину. Автоматически. Кроме мальчишки получил кухарку, уборщицу и прачку, и вообще, даже малец шести лет на следующее утро оказался у меня на яхте, занимаясь ответственным делом, ловя рыбу на пропитание господина и семьи. Такая жизнь, ведь в это время четырнадцатилетний мальчишка уже мужчина и должен создавать семью.

Еще через неделю мою персону, словно диковинку, пригласили на прием, проводимый беem Ачи-Кале в честь появления под городом ногайского племени с ее племенным вождем и его кочующей ставкой.

Прошли те времена, когда войско орды делилось на десятитысячные тумены, тысячи, сотни и десятки. Теперь бывшие тумены превратились в племенные образования, в которых власть передается по наследству, старшему сыну или тому из сыновей, который успел вырезать всех своих братьев ради захвата власти.

Одно из таких племен, руководимое Арслан-беком, вассалом Дивей-мурзы, прикочевало под стены крепости, вызвав оживление в жизни небольшого городка и торговые прибыли городских торговцев.

Вслед за приемом очаковского паши в честь появления туменбека Арслана немедленно был организован ответный прием офицеров и знатных гостей города в походной ставке ногайского вождя, развернувшейся у стен города. В числе приглашенных гостей на сабантуй оказался и молодой эфенди-ага Ингварь сын Теодемира, рода Мигия и Камара.

Сабантуй в честь прибытия к Ачи-Кале создали на майдане, развернутом на месте будущего селения Каборга (позднее – с. Осетровка). Здесь на берегу Березанского лимана природой создано место для торговли и стоянки довольно большого кочевого стойбища, используемое кочевниками еще со скифских времен.

С одной стороны этого небольшого участка, в Холодной балке, появляется и набирает силу ручей с питьевой водой, который в будущем будет снабжать водой город Очаков. С другой стороны Березанский лиман позволял торговым судам подходить к берегу практически в центре кочевья и разворачивать базар. Не оставались без торговли и многочисленные местные рыбацкие поселения, также поставляющие свежую морскую рыбу, словно редкий деликатес, к столу мясоедов кочевников.

Со стороны Березанского лимана к становищу Арсланбека, к берегу пришвартовал свой куттер и эфенди-ага Ингварь, вместе с капитанами гребной флотилии, крепостным топчей и их семьями, приглашенный к ногайскому вождю.

Час работы четырех матросов из гребной флотилии, и вот

стоящий в десяти метрах от уреза воды кораблик оказался связан с берегом небольшим, собранным из нескольких сходней (трапов) мостиком, по которому наша небольшая пестрая компания рейсов флота султана и членов их семей ступила на землю в центре стойбища.

Уже через полчаса наша компания расположилась на коврах, недалеко от свиты Гасан-паши. Мне как новику выделили место на краю свиты командира гребной флотилии Елди-рейса.

Если кто-то думает, что майдан – украинское слово, то он глубоко ошибается, это татарское и тюркское наследие. Майдан – это площадь для празднеств и совещаний, если проще, в виде луга или поляны на берегу ручья.

На небольшом ровном поле расположились, рассевшись на коврах и небольших табуретках, знатные вожди, гости бека, аксакалы и батыры племени. Среди гостей бека нашлось место и священнослужителям, среди нескольких мулл, к моему удивлению, место занял и отец Михаил. Далее вдоль всего поля на шкурах или циновках расположились остальные жители кочевья, разложив перед собой продукты и сладости.

Все участвующие в празднике, устроенном ногайским вождем, одели самые дорогие и чистые одежды и наряды. Обычно одетые в кожу, словно серая масса общины кочевников, на празднике запестрели шелком и атласом одежд семьи вождя и верхушки племени, светлая хлопчатобумажная и льняная одежда простых ногайцев оказалась наполнена вы-

шивкой и кучей разноцветных ленточек, а также звенящими металлическими украшениями.

Женская половина кочевников, из обеспеченных семей, принарядилась в головные уборы в виде шапочек с нашитыми, словно рыба чешуя, круглыми висюльками, будто кольчуга, покрывая голову сферическим шлемом, защищая шею, плечи и верхнюю часть груди.

Словно серебряные статуи из жидкого металла, облаченные в одеяния из серебряных колец и монет, сверкали золотом ожерелий на груди, подвесок на лбу и висках, браслетов на руках три жены и пара дочерей Арслан-бека. Любое движение старающихся быть неподвижными этих облаченных в металлизированные одеяния женщин вызывало игру света и бликов, и мелодичный звон, невольно притягивая внимание, отождествлял их с опустившимися с небес звездами.

Остальная женская половина населения кочевья также превратилась в носительниц разного рода металлических ожерелий, браслетов и головных уборов, в основном изготовленных из начищенных монет, медных кругляков, нашитых на шапочках, надетых в виде «намыста», поверх домотканых рубаш с яркими орнаментами вышиванок. Большое количество ожерелий-оберегов из янтаря, стекла, красного коралла, полудрагоценных камней и меди соперничало в красоте с их аналогами из золота и серебра. Количество колец в шейном украшении указывало на разницу в статусе даже среди бедных хозяек семей.

Праздник начался с подношения подарков и представления гостей главе племени и сидящим на почетном месте аксакалам племени.

Я отдалился шестилитровой бутылкой минеральной воды «Моршинская». Поистине царский подарок в эпоху, когда венецианское стекло стоило баснословных денег.

Позже всем разносили угощение в виде каши из огромного котла, перед вождем и его гостями провели танцы танцовщиц и дервишей, выставку-конкурс тканых полотенец и платков, изготовленных девушками и девочками из стойбища и гостей вождя, с вышиванием национальных узоров и цветов.

Выставка-конкурс на лучшую вышивальщицу проходила с помощью денежной оценки даров мужчин и мальчишек, выкладываемых в корзинку, выставленную возле каждой вышиванки. Длинной колонной все мужское население стойбища и гостей пришлось вдоль выставленных на всеобщее обозрение нескольких сотен вышиванок. Не минуло участие в подношении даров вышивальщицам и меня.

Денег как таковых я решил не тратить, а подарить решил несколько еще советских никелевых (под серебро) и медных монет, как дар.

Конечно, сравнивать вышивание дочерей лидеров племени и простых дочерей пастухов, выполняющих свои работы даже на тканях из разной стоимости нитей и основы, не очень прилично, но все же возможно. Самородки, они даже

в бедности сияют как яркая звезда.

Поэтому не постеснялся положить по полтиннику в корзинки как какой-то из принцесс племени с вышитой веточкой цветущего растения, так и дочери Мурада-топчи, по имени Келбек, корзинка которой оказалась пустой, хотя вышитый орнамент и подобранные цвета мне понравились.

Еще один полтинник попал в корзинку небогатой девочки, на холсте которой был изображен настоящий луг с кустарниками, деревцом и ручьем.

Постоял, подумал и добавил в последнюю корзинку пяток акче. Пусть талант получит не только нумизматическую никелировку, но и полновесное серебро.

Удивительно, но полотенца, вышитые принцессой и пастушкой, в конкурсе вошли в состав призов для победителей дальнейших конкурсов уже мужского соревнования и попали в руки победителей джигитовки и борьбы.

Праздник длился три дня, во время которых простые люди отдыхали, а вожди и аксакалы племени вели встречи и переговоры, перемежая период аудиенций и собраний с общим застольем и чествованием победителей конкурсов.

На второй день праздника на прием к Арслан-беку вызвали и эфенди-ага Ингваря, чтобы услышать его историю и познакомиться поближе.

– Удивительное путешествие ты совершил, эфенди, еще более невероятны сказания о народах, живущих за Китаем. Еще мне рассказали о том, что ты объявил себя наследником

живших до этого в землях, по которым кочует мой народ, боярина Галицкого княжества и даже нашел место, где ранее была ваша усадьба. Вот это меня и заинтересовало. Как человек, появившийся из ниоткуда, смог узнать, где сто лет назад жил его предок? Ответь мне на этот вопрос, и я, возможно, соглашусь с правдивостью твоих слов, – переводчик озвучил вопрос бека.

– Уважаемый вождь, все просто, вы сразу все поймете. У меня есть план, на котором мой предок нанес земли, ранее принадлежавшие его семье. Это в основном острова и скалы, и немного пахотных земель вдоль реки Южный Буг, границы которых определены нижними и верхними «Драконьими скалами» (пороги) реки, и местности, которая именуется Мигия. Несколько сел ранее в том районе населялись рыбаками и земледельцами. План земель, который у меня есть, достаточно прост и легко позволяет определить местность, где ранее жили мои предки по материнской линии. В этой местности люди столетиями жили и селились в одних и тех же местах. Как пример, вот это место, где ваше племя проводит сабантуй. Здесь еще в древние времена останавливались кочевники и проводилась торговля с кораблями. Какая-то из этих вершин – могильник древних людей, которые даже не знали железа, а наконечники для стрел делали из глины. Это место тоже отмечено на плане, который достался мне в наследство от прадеда, – закончил я свой ответ беку, подавая план северо-западной части Причерноморской

низменности. План-кальку, в котором упрощенно нанесены бассейны рек Южный Буг, Днестр и нижней части Днепра, с участком Черноморского побережья от устья Дуная до Перекопа.

– Такого подробного плана я еще не видел, и вижу, что твои родители не зря отправляли тебя в обучение в далекие края. Соболезную о твоей потере родственников и друзей. Теперь тебе будут всегда рады среди моего народа. Хотя наш народ недавно перекочевал в эти степи, но почитание предков любого человека священная обязанность потомков. Считай, что ты вернулся домой, и теперь можешь спокойно жить среди нашего народа, оставаясь почетным гостем не только в крепости Ачи-Кале, но и в юртах моей семьи. Мне сказали, что у тебя нет даже слуг, а последний батыр твоего рода отдал жизнь, защищая тебя. Поэтому взамен такого дорогого подарка, как план моих земель, дарю тебе в услужение семью христиан, приведенных с Галичины, коня, юрту, отару овец и разрешаю тебе пригласить в твой род нескольких батыров из нашего племени с правом жить и кормиться на землях моего народа. Имени Ингварь и Игорь в нашем языке нет, поэтому нарекаю тебя именем Ильгиз, «идуший по миру»...

Так вождь отдалился в ответ на план земель. Ответный подарок вождя по меркам стоимости плана земель был невысок, а право проживания автоматически подразумевало под собой вассалитет варварскому вождю.

– Благодарю, уважаемый мурза, – принял я подарок от во-

жда племени.

Спустя двое суток куттер «Святой Николай» ошвартовался у пирса Ачи-Кале. В этот же день под стенами крепости появилась юрта, в которой поселились двое молодых татарин-нов, нанявшихся в услужение к аге Ильгизу, и молодая крестьянская семья, в составе молодого парня, его хромающей жены и двух детей, из последнего полона ногайцев.

Четыре десятка овец, пригнанных моими подчиненными, явно не достаточны, чтобы можно было прокормить свалившихся на мою голову людей, требовалось срочное решение вопроса по месту жительства и способу получения денег на содержание себя и своих людей.

Еще через день в порту крепости ошвартовалась рыбацкая фелюга с жителями Мангупского эйялета и представителем готского митрополита. В этот же день с утра рейс Ингварь получил от командира гребной флотилии крепости приказ на следующий день убыть в Стамбул в распоряжение заместителя капудан-паши Османской империи Пияль-паши. Для обеспечения плавания курьерской яхты «Азиз Николас», порт прописки – крепость Ачи-Кале, из состава флотилии крепости выделили трех матросов и двух лучников. В Стамбул как наставник, а также для сопровождения, проверки знаний морской практики и представления капудан-паше империи вместе со мной отправился рейс Баязит. Для представления эфенди-ага Ингваря в корпусе артиллеристов и подтверждения его звания топчи не поленился отправить-

ся в Стамбул и Мурад-топчи.

Такому сопровождению, сформировавшемуся буквально к вечеру, перед выходом рейс Ингварь был обязан появлению делегации из Готии, почти полностью развеявшей сомнения в личности эфенди-ага.

Каким-то образом перенос не только отправил меня в прошлое, он еще и сыграл со мной чуть ли не злую шутку, сделав зрелого мужчину подростком пятнадцати лет от роду.

Высокий, ростом 182 сантиметра, худой и жилистый подросток, из разряда блондинов с голубыми глазами и высоким лбом и только начинающейся пробиваться наружу порослью на лице. Еще одна полученная особенность – любой небольшой порез или царапина быстро, в течение нескольких суток, зарастают без следа.

Новик с образованием и собственным судном, начиненным настоящим богатством, и с абсолютным незнанием местных обычаев – именно такой авантюрист оказался в северной провинции Османской империи.

Перед обедом на пирсе вдруг оказалась целая делегация из Крыма, сопровождаемая отцом Михаилом.

Вначале в каюту ко мне забежал Стефан, маленький брат Николая, с известием, что меня зовет на пирс отец Михаил.

– Игорь, сын Владимира, приехали из Мангупского княжества люди и даже самый старый аксакал деревни, которая ранее была во владениях твоего прадеда. Наши братья по вере хотят поговорить с тобой и убедиться, что ты мо-

жешь быть наследником их бывшего господина. Также хочет задать тебе вопросы брат Фома, который, по указанию митрополита, лично проверял описанные тобой места и замок твоих предков, – отец Михаил представил мне пришедших. Не успел закончить свою речь местный батюшка, как ко мне бросился какой-то старик и начал ощупывать мои руки, торс и голову.

Еще через мгновение, залившись слезами и со словами «его руки, его глаза, его голова» аксакал упал на колени и, обняв ноги замершего незнакомца, провозгласил:

– С возвращением, господин! С возвращением! Наконец мы дождались возвращения наследника Камары.

Еще через несколько секунд на пирсе, у ног эфенди-ага Ингваря, преклонили колени оставшиеся гости из селения Камара.

Осталось только пригласить на куттер неожиданных гостей.

Спустя полчаса мне вручили приглашение митрополита Готии, которое обязан выполнять любой добрый христианин православной церковной традиции. Следовало с максимальной поспешностью оказаться в монастыре святого Климента в городе Каламита (Инкерман), для встречи с местным патриархом. Сославшись на приказ убыть в Стамбул, я обещался брату Фоме с максимальной поспешностью прибыть к митрополиту.

Еще через трое суток в главном арсенале в резиденции капудан-паши в Стамбуле мне выписали документы, подтвер-

ждающие звание рейса (капитана) и топчи (артиллериста) флота Османской империи на имя эфенди-ага Ингваря сына Теодемира, родом из черкесских тимариотов государей Дешта и Мангупы, владельцев Камара, Ильгиза тимариота Мигии Буджакской орды, владельца куттера «Азиз Николас».

Новоиспеченного рейса и топчи, вместе с его судном, приписали к крепости Ачи-Кале, подтвердив его звание тимариота Османской империи. Вместе с документами, подтверждающими мою личность в Османской империи, я получил и предписание на призыв, оказавшись мобилизованным в действующий флот его величества султана. Так как я стал тимариотом от флота, то получил приставку к офицерскому званию – стал ага дениз азапи, или азабагахази (командир морских пограничников).

К своему удивлению, я узнал, что в пограничных провинциях существовали подразделения вроде «провинциальных солдат», которые по окончании войны возвращались домой и жили, как хотели, освобождаясь от налогов, а по призыву, независимо от вероисповедания, становились «азапи». Приписанные к крепостям «холостяки» становились крепостными азапи, а приписанные к флоту становились частью флота.

Самое удивительное, но пограничные жители империи, проживающие на Дунае и Днепре и занимающиеся рыбной ловлей в мирное время, тоже были морскими азапи, а если точнее – то дениз азапи.

Еще более удивительным для меня стало открытие того,

что все жители империи, проживающие в поймах рек Среднего и Нижнего Днепра, Ингула, Южного Буга, Дона и Кубани, с каждых двадцати домов выделяли воина, вооруженного за счет остальных, в состав морской пехоты Османской империи.

Новым открытием оказалось, что азапи, как правило, воевали совместно с янычарами и организовывались в орты, жили как янычары по законам янычарского корпуса, селились в военных городках на границе империи, как побратимы столовались из одного котла на отряд, состояли на довольствии у казны, ежедневно получая зарплату.

В связи с тем, что в Средиземном море с марта месяца 1570 года, уже год, идет война с венецианцами, моему судну, вместе с еще двумя галерами, из состава крепостной флотилии, и дополнительными мобилизованными силами провинции, надлежало в течение двух месяцев подготовиться и войти в состав султанской Средиземноморской эскадры. Под командование Али-паши Муэдзинзаде надлежало появиться к началу августа 1571 года, к осажденной крепости венецианцев Фамагусте на острове Кипр.

Война с Венецией и поддерживающей ее Священной Лигой, потребовала мобилизации всех ресурсов. Поэтому появившаяся в подчинении флота единица и ее владелец оказались почти мгновенно (по тем временам) оформлены как часть флотской провинциальной структуры. Если что, то война все спишет.

Еще через двое суток куттер «Азиз Николас» вернулся в порт прописки, а новоиспеченный подданный султана целую неделю принимал гостей поздравляющих его с присвоением ему званий и подтверждением звания провинциального тимариота Силистийского санджака.

Наконец период приемов, вхождения в состав гребной флотилии провинции и постановка на учет прошли. Кое-как разобрался и со своими людьми, поселившимися на окраине крепости, на берегу Днепро-Бугского лимана.

Появилось время на посещение, совместно с ожидающим меня братом Фомой, митрополита Готии и для путешествия в Мангупское княжество, совместное владение черкесских и амангутских принцев Ага-Магмуть и белербей Кафы Касим-бея.

Стоило мне появиться в Ачи-Кале, как к моему судну были приписаны «дениз азапи» – троица бойцов из рыбаков деревни на острове Березань, четверка из рыбаков Ачи-Кале и еще двое из рыбаков крепости Кинбург. Приписали к судну и пятерку крепостных «азапи» из состава крепости.

Так, буквально за несколько дней я получил команду на корабль и по совместительству моих надзирателей. Небольшое суденышко вдруг оказалось переполнено людьми.

Конечно, слово «переполнено» к куттеру, на прадедушке которого будущие английские каперы будут пересекать Атлантику с экипажем, близким к восьми десяткам пиратов, довольно условно, но мне, изнеженному выходцу из третьего

тысячелетия, такая скученность была в глаза.

Остро встал вопрос о возможности сохранения тайны того, что корабль может двигаться без парусов и гребцов. Да и запасы солянки не безграничны. Конечно, полностью спрятать факт наличия двигателя не удастся, но снизить его кажущееся значение для корабля я решил простым способом. Заставить экипаж при швартовке в порту или штиле двигать куттер гребным винтом, вращая его с помощью обычного велосипедного привода, типа используемого на спасательных шлюпках закрытого типа двадцатого столетия, в которых еще не устанавливались двигатели. В этих шлюпках спасшиеся пассажиры вместе гребли веслами, сидели аккуратно в рядок и крутили педали, вращая обычный гребной винт с помощью механического привода.

Механический привод, работающий по принципу велосипедного, реально изготовить практически в любой кузнице, взяв за основу схему ветряка для насоса подачи воды из скважины. Нужны только деньги и время. Деньги появились от продажи в Стамбуле нескольких калек-карт Средиземного, Черного и Красного морей.

Удалось даже купить право на получение во флотском арсенале старого медного тюфенга (тюфяка, или фальконета по-научному) калибром 50 миллиметров, с длиной ствола 15 калибров, без станка и прочих приспособлений, так как ранее оно крепилось к обычной колоде. Окончательно оружие пятнадцатого столетия оказалось на борту судна после вто-

рой взятки в виде пяти золотых дукатов.

К орудию также срочно пришлось достать принадлежно-сти для обслуживания.

Оставив заказы по модернизации судна и орудия в мастерских Ачи-Кале, вновь совершил переход к месту моего появления в этом мире, перевезя на самый большой островок поселенцев в составе моих людей и еще двух наемных работников.

Надо думать о будущем, а пока основать небольшой рыбацкий хуторок, в котором за несколько недель моего отсутствия расчистят землю под строительство блокгауза, в котором я собирался со своими людьми перезимовать.

Наконец остался позади самый большой остров нижних Бугских порогов, который получил название Александровский и должен стать моим домом в этом мире, и я смог отправиться в Крым.

Прием в резиденции архиерея Констанция прошел в обстановке проявления полного моего фиаско как истинно верующего и образованного человека этого времени.

Какой ужас! Этот носящий на шее золотой крест новик, оказывается, не знает ни одной молитвы. А что собой представляет его карманный псалтырь и Библия, напечатанные на таких станках, что монастырские мастера и не слыхивали. Но что это за язык? Тексты читаются, но они явно отличаются от классической ортодоксальной схемы.

Судно настоящего варвара, считающего себя православ-

ным рабом божьим, имеет иконы и кресты такого качества, что впору завидовать монастырю, и в то же время сплошь и рядом нарушения заветов и обычаев церкви.

В мыслях правителя душ всей Причерноморской православной общины царил настоящий океан эмоций. Первые тревожные вести пришли от брата Фомы, который в течение двух недель неотступно находился возле княжьего сына Игоря, от момента знакомства и весь период, пока новый тимариот Ингварь путешествовал в Стамбул и обратно, потом до его новой вотчины, почти мгновенно пожалованной ему правителем Силистийского санджака, на самой границе провинции, в Диком поле. Да, этот новик явно православных корней, ведь не пошел же он в мечеть или к еврейскому раввину, равнодушен он оказался и к Армянской церкви. Сразу видно – новик из семьи даже не боярского или баронского уровня, и явно учился в лучшем учебном заведении Далекого Востока. Но что же делать с его абсолютной церковной безграмотностью?

Подарок митрополиту Готии и Кафы книги «Поле славы» – одни картинки говорят о том, что это произведение составлено настоящим сыном церкви, судя по всему, составившим новый алфавит и стиль письма, и новые варианты трактовки Библии, провидцем, волю которого и исполнил раб божий Игорь, добравшийся, наконец, до родины предка.

Проведенное расследование и поднятые церковные книги и летописи за почти месяц ожидания новика подтвердили

сказ о существовании в княжестве Феодоро более ста лет назад вассалов князей рода Георгио, подтвердился и факт того, что развалины замка на горе Каю принадлежали приграничным вассалам. Даже столетний старик признал в молодом путешественнике наследника бывшего господина, тот, мол, тоже был такой – высокий блондин, с крупной головой и длинными руками.

Слишком много фактов подтверждали слова появившегося из ниоткуда новика благородного происхождения. Тем более что он сразу заявил, что не является близким родичем князей Феодоритов, а происходит из рода служилых князей. Если считать, что княжество Феодоро можно назвать герцогством, то ранг родителей Ингваря может соответствовать графским или служилым князьям царства Московского. Такой вассал не составит конкуренцию мангупским принцам, а как единственный христианский вассал достойного происхождения только усилит княжество.

В итоге митрополит Готии архиерей Констанций решил приставить к вновь обретенному сыну церкви монастырского брата Фому, как личного исповедника и учителя веры.

Далее путь сеньора Ингваря сына Теодемира, родом из тимариотов государей Дешта и Мангупы, следовал до дворца черкесских и амангуптских принцев Ага-Магмуть и белербя Кафы Касим-бея в город Кафу.

Прием неожиданно появившегося наследного вассала состоялся, можно сказать, в неформальной обстановке, в каби-

нете белербея Касим-бея и его младшего брата Ага-Магмуть.

Даже в период своего расцвета княжеская семья Феодоро не могла похвастаться большим количеством членов рода. Несколько сыновей и еще меньше дочерей в княжеской семье – вот и весь состав родственников византийской императорской семьи, а в последующем и султанов Османской империи.

Вырезанная под корень султаном Мехмедом II, вся аристократия княжества и князя – совладельцы княжества в 1475 году, насильственно мусульманизированный единственный наследник – мальчик Александр и его сестры, отправленные в гарем, оставили в княжестве только готские крестьянские семьи, потерявшие большую часть мужского населения.

Практически та же участь постигла и главного врага старого княжества Феодоро – генуэзскую республику Кафа. Аристократию республики постигла участь аристократии Готии, а сама республика теперь вошла в подчинение наследника князей Феодоро белербея Кафы и мангупского принца Кеналби (бывшего Александра). Теперь, когда Страна Сорока Замков превратилась в Мангупский кадылык, ее владельцы стали наследными черкесскими принцами. Принцами по крови и формальными сеньорами всех черкесских княжеств как мусульманских, так и христианских владельцев – от Северного Кавказа, до Черкасс под Киевом, командиром войск азабы бывшей Готии и Кафы.

Наследниками принца Кеналби (Кемаль-бея) оставались в 1571 году двое наследных черкесских и амангутских принцев, известных истории под именами Ага-Магмуть и Касим-бей.

Старший принц Ага-Магмуть, поправив Мангупским кадылыком (провинцией) немногим более трех лет – с 1565-го до 1569 года – успел передать Касим-бею должность белербея до его неудачного похода к Астрахани в войне с Московским царством.

Младший принц, Касим-бей, только недавно едва избежал смерти после неудачного похода на Астрахань, где под его руководством Османская империя собиралась построить канал, соединяющий Дон и Волгу. И только куча золота и заступничество хана Девлет-Гирея спасли жизнь неудачливого принца от гнева султана.

Дворец в Кафе мангупских принцев, сохранивших дух, уклад и традиции владетелей Феодоро в течение почти целого столетия, считался образцом и местом воспитания наследников крымских ханов и черкесских князей. Воспитание и образование в амангутском дворце считалось одним из самых престижных для наследников многих родов Причерноморья и Кавказа. Этот дворец видел многих и переварил внутри себя не одну неординарную личность.

Оба отнюдь не молодые, принцы Феодориты с явным интересом рассматривали появившегося из далекого прошлого наследника вассала своих христианских предков.

Есть чему удивляться. Мусульманские владыки христианской провинции и собственных наследных христианских подданных давно привыкли обращать внимание на предложения архиепископа Готии и Кафы, который явно дал понять, что подтверждает личность появившегося с Далекого Востока наследного вассала, даже бывшие владения вассала успел проверить. Единственный высокородный вассал, успевший почти мгновенно стать рейсом флота, топчи, смотри – дважды элита империи, и даже получить земли как провинциальный тимариот империи. Практически полностью независимый от Мангуша высокородный тимариот, не скрывающий своего наследственного вассалитета.

В очередной раз рассказанная история и в меру возможностей разъясненный путь возврата на историческую Родину, как и ранее, был принят с интересом и явной благожелательностью. Да и что можно ожидать от пятнадцатилетнего, всего лишь недавно вошедшего во взрослую жизнь, можно сказать, отрока и новика. Удивительно только одно, как сын таких высокородных родителей абсолютно не умеет владеть мечом и не обучен дворцовому этикету. Хотя нет, этикету учили, но чужому, далекому от ценностей европейского и арабского мира. Этикет и науки стран, находящихся за легендарным Китаем, торговцы которого изредка добираются до Крыма и Кафы.

В этот момент острый ум одного из самых образованных людей Османской империи сделал стойку и вывод. Купцы и

рабы из далекой Поднебесной империи все же бывают в главном торговом порту Черного моря, городе Кафа.

Пока пусть новоявленный вассал поживет гостем в дворцовых покоях – Касым-бек принял решение и решил претворить его в жизнь.

– Сеньор Ингварь, поскольку, пока мы не опровергаем вашего статуса наследника нашего вассала графа марки, приграничной территории владетеля Камары, иными словами маркиза княжества Феодоро и служилого князя, то разрешаем вам именоваться графом Готии, с правом титулования графа – как «вашего сиятельства» Ингваря графа Камара Готии, сына Теодемира, тимариота Мигии и Силистии. Надеюсь, еще до момента вашего убытия в средиземноморскую эскадру, как только сведения по вам подтвердятся и сверятся с документами, мы с радостью примем у вас клятву вассала с подтверждением ваших наследственных прав и титула, – огласил решение Касым-бек.

– Пока приглашаем вас на ужин, после которого мы в более непринужденной обстановке с удовольствием послушаем вашу удивительную историю и описание далеких стран, – закончил беседу Ага-Магмуть.

Впервые оказавшись приглашенным на ужин лиц королевской крови, я ощутил настоящий испуг. Во-первых, возникает вопрос: как надо себя вести? Во-вторых. А что одеть? Не покупать же мне местный наряд за кучу денег, которых у меня нет. Такой наряд шьется неделями, в лучшем случае

сутками.

Еще в Ачи-Кале встал этот вопрос. Однако там удалось использовать камуфляж. Единственное, что я сшил и заказал, так это три берета, пара больших и один средний, для ношения на судне. Время такое. Никто не ходит без головного убора.

Береты украсил разрезанным на три части пером золоченого листа папоротника (искусственного, из целлюлозы). Плюс на беретах по значку, нашивка в виде треугольного флажка. И все!

В данном случае одним беретом отделаться не получится, да и не нужен он на официальном ужине благородного сословия.

Пришлось перерывать всю свою и оставшуюся от Бориса одежду. Решил не повторять местную аристократию. Все равно это мне не по силам. С драгоценностями тоже не тот уровень. Несколько моих золотых украшений – тоже не серьезно. Хотя то, что есть у меня, – явно простолюдину или отпрыску обедневшего благородного рода предел мечтаний.

Есть еще один нюанс. Технология изготовления золотых украшений. Мои – цепь с крестом, браслет и перстень – для XVI века должны быть из разряда шедевров ювелирного искусства.

Надел летний костюм, троечку, шелковую рубашку и подпоясался белым шелковым флотским шарфом. На ногах лакированные туфли. На отворот пиджака нацепил юбилей-

ный значок – флажок. Под полой пиджака поместился военноморской кортик.

В правой руке теперь всегда со мной комбинированная трость, украшенная золотистой нейлоновой лентой, с массивным набалдашником, которым можно при необходимости и голову пробить, а внутри как основа – все тот же штык от винтовки-мосинки.

Темно-серая шелковая рубашка с расстегнутым воротом, таким образом, чтобы была видна цепь, завершала образ некоего гостя с Дальнего Востока.

Да, еще кое-что – обычное выбритое и продезинфицированное одеколоном лицо, с небольшой заявкой на появляющиеся усики, еще раз резко омолодило образ и создало вокруг меня неизвестный для окружающих аромат.

Вот передо мной открывают огромные двери в большой зал, в дальней части которого размещен буквой «П» огромный стол, за которым восседали около двух десятков разновозрастных и разнополых представителей местной знати.

Слышу что-то типа «его сиятельство Ингварь... вассал князей Мангупских...». За это время как-то естественно освоились разговорный османский и татарский языки. Количество слов, используемых в обиходе, довольно небольшое, и многие из них международные.

Огромный зал с декоративными арками впечатлял своими размерами, освещенный большими окнами и дополнительным рядом круглых окон верхнего яруса с витражами из

цветного стекла. Внутри арок зала вдоль стен разместились разные шкафы и деревянные сундуки с накладными коваными петлями изощренной формы и рисунка.

На галерее верхнего яруса у стены здания разместился оркестр, дирижер оркестра, в отличие от нашего современника, стоял спиной к подчиненным, наблюдая за жестами церемониймейстера, который взмахами своего жезла с набором колокольчиков управлял многочисленной прислугой.

Рядом с церемониймейстером в нарядной поварской форме стоял шеф-повар, рядом – глашатай.

По углам огромного зала установлены на стойках жаровни для благовоний. С высокого потолка свисают три огромные кованые люстры, на которых зажгли десятки свечей, освещающие кроме зала еще и потолок, насыщенный резьбой и позолотой, с росписью сцен из раннего Ренессанса.

В нишах, за колоннами у стен, виднеются серванты и стоящие в ряд слуги.

Почти мгновенно, стоило мне перешагнуть порог, поклониться, а взору сидящих увидеть мою персону, ко мне подошел слуга, жестом рук указавший мне направление движения к столу, прямо к середине его основания.

Подхожу, вновь кланяюсь вначале сидящим в вершине буквы «П» на почетном месте двум уже знакомым мне принцам, потом сидящим рядом с ними молодой девушке, девочке, маленькому мальчику и склонному к полноте молодому татарину.

Потом достаиваю кивков уважения сидящих молодых мужчин, подростков и мальчишек с такими же девушками и девочками в правой и левой части стола. За одним столом разместились представители как христианской, так и мусульманской веры.

Золото и драгоценности, шелка и золотая парча, меха соболя и горноста, диадемы или драгоценные сетки, удерживающие волосы, драгоценные заколки и не менее драгоценные фибулы и ожерелья, серьги, браслеты и куча перстней, выполненных из золота и драгоценных камней. Платья с длинными рукавами, искусно расшитые золотыми, серебряными и цветными нитями с россыпью бриллиантов и жемчуга. Одежда каждого сидящего за столом явно носила намного больше килограмма украшений.

У четверых сидящих за столом девушек и еще трех девочек, из одиннадцати, верхняя часть лица оказалась прикрытой тонкой вуалью, настолько тонкой, что все черты лица и глаза были прекрасно видны сидящим за столом.

Дети и часть сидящих за столом явно смотрели на меня как на что-то необычное, двое молодых парней и три девушки почти мгновенно надели на лица маски высокомерия и удивления.

Как «это» оказалось тут? Именно такого взгляда я удостоился от молодой девушки, сидящей возле принцев. Как оказалось, их сестры.

Оценивающего взгляда удостоился я от молодого татарин-

на, будущего крымского хана по прозвищу «Жирный».

В зале, за обеденным столом, оказались воспитанники наследников Крымского ханства, удельных черкасских князей Кубани, Ногайской орды, Северного Кавказа и Закавказья. Считалось престижным получить образование и воспитание при дворе амангутских принцев, даже дети султанов от черкесских жен проходили воспитание в бывшем дворце кафе-ских правителей в семье родственников султана – амангутских принцев, в городе, который сами османцы называли Кучук-Истамбул (Малый Стамбул).

Здесь, среди античных скульптур, фресок и картинных галерей, библиотеки с изданиями еще византийских времен, будущие правители стран мусульманского мира и их будущие невесты получали образование намного более высокое, чем в королевских семьях Западной Европы.

– Представляю вам вернувшегося в Мангуп наследника наследных вассалов дома князей Феодоро маркграфов Камары и Готии, маркиза Мангула Ингваря сына Теодемира, тимариота Мигии и Силистии, рейса, топчи и азабагахази флота империи, – еще раз представил меня присутствующим Касым-бек.

– Хочу добавить, что, хотя потомок наших вассалов получил образование в далеком закрытом университете страны Чосон, расположенной на Далеком Востоке за Поднебесной империей, именуемой Китай, как будущий рейс и топчи, представленные им документы и проверенные во флоте по-

велителя знания и навыки не вызывают сомнений в подлинности и качестве. Так как маркиз Ингварь имеет еще и собственный корабль, то его уже приписали к ведомству капудан-паши империи и даже выдали направление в действующую Средиземноморскую эскадру, – второй принц дополнил информацию о стоящем перед присутствующими новике.

– Присаживайтесь, маркиз, а позже, думаю, у присутствующих появится много вопросов к вам. Да и мне было бы интересно узнать, как вы путешествовали и как живут люди в других странах.

– Спасибо, мой князь, – кланяюсь и сажусь на самый крайний стул, на спинке которого уже вывешен небольшой штандарт с гербом от Рюриковичей и символами инь и янь с Дальнего Востока. Последним прибывший на застолье маркиз и севший за общий стол словно включил выключатель, на который отреагировал церемониймейстер, взмахнувший жезлом с колокольчиками. Слуги мгновенно вышли из ниш и приступили к сервировке стола.

Большой «П»-образный стол шириной более метра, накрытый толстым сукном, поверх которого уложена большая льняная скатерть, по внешней стороне которого расположились обедающие, в свободную внутреннюю часть принял процессию слуг, накрывающих на стол.

По внутренним углам стола на высоких стойках, поднимающихся из ваз с розами, установлены четыре канделябра со свечами, дополнительно освещающими стол.

Стоило только присесть за стол, как ко мне тут же подошли две служанки с чашей для мытья рук и расшитым полотенцем.

Вначале подали закуски, выложенные на закусочные тарелки. Холодцы из дичи, салаты и икру сменили горячим. Закусочные тарелки заменили мелкими столовыми и чашей для супа.

На специальной тележке привезли большую кастрюлю супа, и с помощью большого черпака в суповую чашу налили суп, одновременно подавая пампушки или пирожки на малой закусочной тарелке и салфетку, вставленную в керамическое кольцо. Перед каждым сидящим за столом поставили солонку и две перечницы с красным и черным перцем. Специи, которые практически стоили на вес золота. С трех сторон к столу на подсобных столах выставили напитки и соки. Даже вина для гостей немусульманского вероисповедания.

Стол ломился от разных видов горячих первых блюд. И что самое главное, необходимо было отведать каждое блюда из уважения к хозяину.

Наконец объявили смену блюд, и в центр внутреннего пространства стола забежали три танцовщицы. Живой ритм музыкального сопровождения для танцев и синхронные движения девушек и их тел завораживали, особенно привлекали движения головы, при которых перебрасываются волосы с одной стороны на другую.

И вновь стол оказался заставлен горячими блюдами, в ви-

де дичи и чего-то похожего на котлеты из говядины и баранины. Огромная белуга и лосось под соусом из сбитых сливок, гречневая каша и трюфеля наполнили стол. В это время появилась пара клоунов, веселящих сидящих за столом. Наконец обильный обед закончился. Вновь заиграл оркестр на террасе, и церемониймейстер через глашатая объявил приглашение перейти во внутренний дворик, где будет предложен кофе.

Поднявшиеся из-за стола девушки и девочки удивили огромным количеством висящего на них золота, даже на маленькой, десяти лет от роду девочке, на ее платье, шее и голове, кажется, повесили не менее пяти килограммов золота и драгоценных камней. Даже виднеющиеся при ходьбе носки туфелек, кажется, оказались изготовлены из драгоценных камней. Сразу сравнил такие туфли с водолазными ботинками, а все остальное перевел в водолазные грузила и ужаснулся. Бегающая по дворику молодежь словно не замечала веса своих украшений. Окружающие меня аристократы, кажется, родились не только с «золотой ложкой во рту», но еще и с золотыми сорочками.

Внутренний двор дворца с большим фонтаном в середине, создающим прохладу, окружен двухъярусными мраморными, заостренными кверху, арочными аркадами, украшениями древнегреческих скульптур. Вокруг фонтана разместились лежащие мраморные львы, а по всему двору в огромных вазах росли настоящие пальмы и папоротники.

Небольшая площадка, выложенная коврами и подушками, с маленькими столиками, сервированными вазами со сладостями. Пахлава и шербет, вишневое суфле и виноград, гранатовый сок и яблочный сидр, холодный каркаде и главное угощение – кофе.

Недалеко от ковров, в уголке, на горячих углях стоят длиннохвостые кофейники и «турочки» на раскаленном песке, в которых варится крепчайший кофе, разливаемый в маленькие пиалочки и подаваемый вместе с маленькими тарелочками с финиками, приторная сладость которых должна подчеркивать вкус терпкого кофе.

Компания разошлась по группкам и интересам. Не знаю, как себя вести в этой ситуации. За столом под изучающими взглядами соседей почти мгновенно справился с двузубыми вилками и салфетками. Не плямкал и не отрывал от обжорства, пользовался разными стаканами и даже не разлил вина.

Во внутреннем дворике оказался в ситуации, когда как вассал в присутствии сеньоров не должен сидеть и даже гулять свободно, вдруг ненароком царственную особу задену.

Решил остановиться у колонны и рассматривать собравшихся в зале со стороны.

Долго стоять мне не пришлось, первыми ко мне подлетели мальчишки и девочки. Конечно же, будущих воинов и правителей в первую очередь заинтересовал кортик и перевязь, на котором он висит.

Вначале увидев потерятые, со слегка стершейся позолотой ножны, мальчик, потрогав, удивился, что это не золото.

– Так это не настоящее золото. Значит, и клинок этого маленького кинжала дешевка! – возмущению маленького принца, носящего на поясе огромный кинжал, инструктированный золотом и с широким и длинным лезвием, не было предела.

– Что вы. Ведь цена личного оружия не оценивается только по ножнам или количеству золота и драгоценных камней на рукоятке. Ширина и длина лезвия также не всегда ценнее тонкого и узкого клинка.

В первую очередь это оружие ближнего морского боя в условиях маленьких внутренних помещений или на мачте, где огромный клинок скорее помеха, чем помощник. Кроме этого, морской кортик еще имеет большое родство с оружием истинного рыцаря, так называемого «кинжала милосердия», длинный и тонкий клинок которого, проникая через щели лат или шлема, позволяет прервать мучения умирающего рыцаря, – стараюсь сгладить и изменить первое впечатление и перевести внимание маленького принца на другие ценности. – Хочу еще обратить ваше внимание на другие ценности, не измеряемые золотом. Такие понятия, как память, любовь и символ, присущие каждому человеку.

– Какое отношение к оружию имеют любовь и символ. Это мысли для девочек, а не для настоящего воина, – маленький принц буквально фыркнул от возмущения.

– Вы ошибаетесь, маленький принц. Очень ошибаетесь. Вот, как пример, этот кортик. Это не просто оружие, это символ того, что это оружие морского военного, не торговца или рыбака, а боевого капитана, не зря на нем показан океанский корабль, типа тех, на которых сейчас ходят в Индию португальцы. Этот корабль еще больше. Кортик вручают в морской закрытой академии, как у древних греков, и он служит символом и памятью о морской академии. Вы ведь помните своего первого учителя, который начал вас учить обращаться с оружием.

О любви. Что же это за рыцарь, у которого нет своей дамы. Так не бывает. Ведь у вас есть мать и сестры, которых вы искренне любите и помните. А когда вы станете мужем и отцом, разве вы сможете забыть мать ваших детей? – вот вам и ответ о любви. Любить – значит помнить и заботиться о близких тебе людях и памятных вещах. Например, память о родителях и вещах, которые их напоминают.

Этот кортик для меня память о поколениях моих родителей и людей моего рода, которые погибли, защищая меня, которые остались далеко от этих мест, о том, что мне еще надо восстановить свой морской род и семью, вернуть свои земли, вновь защищая честь своего повелителя в море и на земле.

Теперь о качестве этого клинка. Смотрите, это не дамасский клинок. Это булат и символ мастера, сделавшего его, и личный номер клинка. Набор цифр никогда не повторяется,

как воин никогда не похож на другого и имеет индивидуальный стиль.

Казалось, что мне суждено было остаться в собеседниках только у этого маленького принца и его друзей, как в общение вступили девочки. Моя одежда и ткани, из которых они изготовлены, заметили маленькие рукодельницы. Даже принцессы в это время заняты ручной вышивкой, а не машинной. Не заметить качество швов одежды нового члена застолья не могли разве что только слепые. Привыкшие к тому, что шелк, атлас и парча, и ткани из Италии и Венеции – самые дорогие ткани, высокородные швеи и вышивальщицы оставить мою одежду без внимания не могли. Особенно если как в сказке, кричит ребенок: «А король-то голый!»

Именно так произошло и с моим нарядом. Только – наоборот. Первыми не выдержали маленькие принцессы, взявшие ткань и швы моего наряда, как говорится, в руки, даже не спрашивая моего разрешения. Маленькие детские ручки просто начали выворачивать полы моей ветровки, с удивлением рассматривая машинный шов.

– А что это за ткань? А где вам так шили одежду? А что это за шов? Сестра, иди сюда, нам такого шитья не показывали!

Еще одна увидела браслет на моей руке, с его удивительно однообразной цепью звеньев, каждое из которых выполнено с филигранной точностью и микроскопическим, почти голографическим рисунком танцующей девушки на единствен-

ной пластине.

– А я такого браслета еще никогда не видела. А кто эта девушка? – новый интерес проснулся среди женской половины, чувствующей себя без нескольких килограммов золота на теле просто голой.

Стайка детей, привлекая внимание старших, обступила меня.

Начался вечер вопросов и ответов. Как-то само собой, будучи вовлечен в беседу с детьми, к которым вскорости подтянулись и взрослые, удалось войти в компанию будущих правителей империи. На этот вечер!

Наконец выпито несколько пиал кофе, съедено несколько разных сладостей и фруктов. Наконец начали подходить слуги, предлагая вымыть руки в воде, в которой явно растворили как минимум флакон духов. Званный ужин закончился, и все начали расходиться.

На следующий день уже, словно так и должно быть, меня слуга привел на обед. Потом за мной пришли на ужин.

На третий день уже никто не оборачивался на мое появление. Стул с моим гербом и место за столом стали моими в этом обеденном зале.

Город Кафа, в будущем Феодосия, если смотреть из окон дворца принцев, расстилался у основания горы, на которой главенствовала цитадель. Сравнительно небольшой город по меркам третьего тысячелетия и огромный город – около пятидесяти тысяч населения – по меркам середины шестнадца-

того столетия. Город, вошедший в Османскую империю после тотального вырезания всей аристократии и католиков в 1475 году, почти восстановился и вновь стал не только торгово-промышленным, но и политическим центром Причерноморья, Крымской, Буджакской и Кубанской Татарии.

Здесь же, у стен города, раскинулось и еще одно образование, занимающее площадь, соизмеримую с третьей его территории, – невольничий рынок, бараки которого ровными рядами протянулись на несколько километров.

Именно этот базар торговцев людьми и интересовал меня больше всего в городе. Здесь я решил найти людей, которым мне можно было бы довериться больше, чем местным жителям. Здесь я решил купить нескольких рабов, которые, как и я, были бы не от мира сего, потеряв веру в возможность вернуться домой и имея психологию, менталитет, язык и даже религию, очень далекую от Европы и европейцев. Здесь я решил найти людей с окраины цивилизации не только Европы, но и Китая. Корейцев, маньчжуров, тайцев, малазийцев, а, если повезет, то японцев, создав в Причерноморье небольшую общину жителей Дальнего Востока. Такие только торговые общины и даже квартал выходцев из Китая были в Кафе, словно Китай-город в Москве, но его постоянно меняющиеся временные жители совсем не могли стать для меня опорой в начале собственного становления. Зато позже, когда удастся освоить язык и хоть какие-то обычаи, именно Китайский квартал Кафы станет моим связующим звеном Дальнего Во-

стока с Крымом. Деньги от этого я тоже задумал получать не малые.

Конфуцианство и даосизм – основа дальневосточной цивилизации и клановой системы развития общества. Поклонение предками и основателям рода, вера в помощь предков и разных богов, традиции и культура, позволившие сохранить страну в условиях феодализма и противостоящие влиянию «золотого тельца» европейской цивилизации.

Именно эту группу рабов я собирался выкупить и освободить, создав внутри своей новой общины, зависящей от влияния как сильных мира сего, так и фанатиков от веры мусульманского и христианского мира. Культура и традиции этих народов даже в период новейшей истории позволяют, сходя в церковь, отдать почтение своим предкам у семейного алтаря, после чего на виду у всех устроить церемонию со свиной головой, в которой будет просьба о помощи в бизнесе.

В общем, я решил сделать с использованием аздов манипуляции людьми и политологии двадцать первого века искусственное сообщество с несколькими полюсами влияния: сеньор и сеньоры, священник и мулла, европеиды и монголоиды, вассалитет и землячество, и все это в одной общине, объединяемой мной.

Подданные из Европы и подданные с Дальнего Востока на любой чужбине объединяются вокруг сеньора, даже если сеньор и не говорит на языке подданных. Главное – сеньор го-

ворит, что он родом из родных краев, обещает защиту и заботу. А что может быть более достоверным, как трата денег на раба и его освобождение. Освобождение, конечно, кажущееся. Хочешь быть свободным – будь им.

Так можно освободить осужденного, где-нибудь на островах Заполярья или в Антарктиде, в зоне арктической пустыни, без возможности вернуться домой на каком-либо судне и без средств существования. Итог известен – смерть.

Вернуться домой из Европы в Японию или Сиам XVI века без денег и прочего и прочего в принципе невозможно! Даже на еду может не найтись денег, а сохранить волю – невероятно. Изгой – самое страшное состояние любого человека в прошлом в обществе. Раб хотя бы имеет принадлежность к собственности какого-то человека из общества окружающих.

Само по себе освобождение еще ничего не решает, зато позволяет отсеять ненадежных лиц в будущем. Свободный человек, желающий еще большей свободы, все равно может стать ограниченно свободным – еще одним должником, возмещающим затраты на свое освобождение. Примеров такой свободы в виде выкупленных людей из татарского полона Московским царством или Польским королевством, или еще какими, вполне достаточно.

Языковой барьер – явление временное. В любом случае, члены многонациональной общины вынуждены будут друг друга учить, еще более объединяясь вокруг того, кто свел

всех вместе. В Европе восточники, будучи рядом с основной массой европейцев, не будут чувствовать себя изгоями. И наоборот, восточники, соединившиеся в братство в Европе, на Дальнем Востоке уже будут вместе с меньшинством европейцев общины. Что уж говорить о сплоченности молодой общины в какой-либо Америке или Африке в период эпохи Великих географических открытий.

Для полной собственной свободы необходимо выйти из сферы влияния государства и создать что-то, способное противостоять государству, – например, стать независимым сеньором, олигархом и космополитом. Для этого надо стать своим и одновременно достаточно независимым в обоих центрах земной цивилизации – на Средиземном и Желтом морях, в Атлантическом и Тихом океанах.

Третий день в городе Кафа начался с самого мощного европейского рынка рабов.

Одевшись как можно беднее, в сопровождении брата Фомы, отца Стефана, слуги Николая из Ачи-Кале и вассалов Трифо Йури и новика Косте Тодора, некий новик из благородных начал изучать рынок рабов. Цель похода на рынок не скрывалась – поиск и освобождение рабов из далеких земель, принадлежащих ранее семье молодого сеньора. Для себя я также хотел прицениться и решить, сколько же денег необходимо на закупку рабов с окраины освоенного мира. Главным действующим лицом должен был стать Трифо Йури – яркий представитель крымских готов.

Во времена телевизоров и интернета почти любой европеец, конечно, слегка задумавшись, сможет определить на слух, по языку говорящего, к какой нации относится человек. Поющий (китайский), выговаривающий слова (корейский) или отрывисто и быстро выговаривающий слова (японский) восточные языки. Лица и фигуры разных дальневосточных наций также имеют существенные различия, также можно сказать о современном жителе Дальнего Востока. Прошли те времена, когда все лица европейцев или азиатов были для разных народов своего рода на одно лицо.

Проходя по рынку, я надеялся найти представителей королевств Дальнего Востока, вглядываясь в представленных на продажу рабов и следя за их реакцией на слова глашатая и мой штандарт.

Слуга Николай нес штандарт, на котором над прямоугольным щитом, с белым фоном и нарисованным кругом с символами инь и янь возвышался наконечник-трезубец (тот, который у Посейдона), а брат Фома громко зачитывал слова – Киото и Ниппон, Чосон и Корё, Сиам и Аюти, Хуанхэ и Мин.

Николай и Фома должны были привлечь внимание рабов и торговцев, знакомых с такого рода информацией.

И вот почти за семь с половиной тысяч километров от Кореи обнаруживается уже не молодая служанка из Корё, торговец из Шанхая и тунгусский воин из чжурчжэней (маньчжуров). Вдобавок ко всему один торговец из Хорезма обаялся до вечера привести еще двух девочек из далекой Ши-

ны, Южной Кореи в будущем. За одни сутки я потратил три десятка золотых полновесных дукатов, получив в свое окружение условных земляков и личных подданных.

Слухами полнится земля. Как и ожидалось, еще через день у ворот дворца мангупских принцев появился еще один торговец с двумя китайцами – отцом и сыном, из воинского сословия и Шанхая, на которых я потратил еще пятнадцать золотых монет.

Данная на второй день свобода бывшим рабам и принятие от них присяги на верность, вместе с обещанием возвращения домой через несколько лет, добавили в мою общину пятерых, связавших свою жизнь со мной и моим родом. Отец и сын из шанхайского воинского сословия обязались служить год в роли наемников, тем самым обязуясь компенсировать затраты на освобождение.

Деньги за карты Средиземного и Черного морей практически кончились, превратившись в живых людей. Срочно пришлось вновь садиться за листы бумаги и заниматься изготовлением еще нескольких экземпляров карт Черного, Средиземного и Каспийского морей. По крайней мере, в Кафе нашелся торговец картами и картинами.

Уже через пять дней моя работа как картографа принесла мне новые полновесные золотые дублоны и серебряные акче. Денег хватило на покупку большого количества «жемчужного» пороха, покупку лафета для тьюфенга, двух шестидесятимиллиметровых железных кулеврин 30 калибров дли-

ной, с набором мраморных и свинцовых ядер для них. Деньги опять кончились.

Практически сразу исчез приток денег, так как количество клиентов в Кафе на такой специфический товар, как морские карты, практически закончился.

Дефицит денежных средств резко подстегнул умственную деятельность, и тогда пришла новая идея получения денег от рисования. Техника черно-белого рисунка явно стоит дешевле масляных картин, однако также имеет своего клиента.

Новое копирование нескольких картин замков из книг, и в Кафе появляются картинки сказочных как европейских, так и японских замков, лицо красавицы и голова настоящего фантастического дракона, руки неизвестного художника, выполненных на качественной бумаге размером А-4, всего 30 акче за штучку.

Еще через неделю я получил заказ на 30 рисунков головы дракона, скопированной мной с рисунка татуировок. Десяток рисунков замков и эскизы горных равнин тоже нашли своего оптового покупателя. Ценители женской красоты тоже не обошли вниманием работы нового художника.

Пришлось подключать к рисованию девочек из Кореи и Николая из Ачи-Кале, спустя несколько дней маленькая бригада художников освоила копирование с помощью клеточек и через стекло. Художественная мастерская зажила самостоятельной жизнью. Пачка бумаги листов А-4 вдруг начала уменьшаться прямо на глазах.

Ручеек серебряных монет вновь наполнил кошелек новоявленного вассала мангупских принцев и позволил заняться дальнейшей подготовкой к походу в Средиземное море единственного корабля.

Получив новый источник дохода, решил заняться усилением защиты своего судна и его экипажа.

Фиш-куттер в своем проекте должен быть мореходным по максимуму и мощным буксиром, способным тянуть за собой трал, по замыслу противоминный, с резаками, режущими стальные тросы якорных мин, а уже потом простые неводы рыбацких сетей. Для такой функции, чем меньше экипаж, тем лучше.

Однако когда нет необходимости тянуть за собой невод, такой рыболовецкий труженик превращается в настоящий парусный скоростной корабль, его скорости 18 узлов (32 километра в час) могут достигать только бриги и клиперы восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Готовый курьерский или разведывательный корабль любого флота.

В создавшейся ситуации, в которой куттер превратился в фактическое место жительства нескольких десятков человек и орудий, пришлось думать об увеличении площади верхней палубы и о защите находящихся на ней людей. Срочно на носу и корме судна выдвинулись вперед и назад, на метр за корпус, площадки три на четыре метра, увеличив длину надводной части с 18 до 20 метров. На каждой из площадок появились разборные навес и щиты – спереди, сзади и по

бокам, прикрывающие расчеты орудий. На носу установили тюфенг, а на корме – две кулеврины. Кулеврины установили так, чтобы они могли стрелять не только в корму и по бортам, но и максимально вперед. Примерно от тридцати градусов в нос по бортам и далее в корму, позволяя сосредоточивать огонь по преследующей куттер цели.

Тюфяк и кулеврины получили неизвестные местным артиллеристам лафеты на колесах и систему блоков для компенсации отката.

Драгоценный алюминий и стеклянные иллюминаторы, ранее установленные над трюмом, теперь заменили деревянной надстройкой-крышей с амбразурами вместо иллюминаторов. Рубку обшили дубовой доской, удлиненили вперед, переходя в крышу надстройки над трюмом, позволив обеспечить смену рулевого и капитана, не поднимаясь на верхнюю палубу, добавили прикрываемые щитами иллюминаторы и бойницы для стрельбы пока арбалетами, а в будущем и пиштолетами с пищалями.

По замыслу на носу, в корме и в рубке можно организовать три защищенных узла обороны от высадившихся на abordаж противников, при минимальном количестве обороняющихся, простреливая всю палубу из закрытых надстроек.

Корпус небольшого судна также получил дополнительную защиту в виде вывешиваемых за бортом, от носа к корме, щитов из дубовых досок, навешиваемых, словно щиты ви-

кингов на бортах драккаров. Вес куттера резко возрос, вместе с осадкой, снизив возможное количество перевозимых грузов с девяти тонн до пяти, но позволил мне успокоиться заботами о своем здоровье и выживании. Спустя три недели пребывания в Кафе моя более-менее спокойная жизнь закончилась. Меня вызвали в кабинет Кемал-бея (Касим-паши), где меня ждали оба принца, их старшая сестра Халия, митрополит Константин и доверенный мулла семьи Мехмед.

Здесь же в кабинете меня познакомили с результатами расследования по поводу появления претендента в вассалы.

Рисунок моего штандарта и копия голографической защиты (хризантема) с талона предупреждения оказали поистине магическое влияние на торговцев из далекого Китая. Причем дознаватели встретились с торговцами – выходцами с Западной части империи Мин, которые в перечисленных мною странах никогда не были, но факт их наличия подтвердили. А когда на рынок попали рисунки головы дракона и стало известно, что я собираю и освобождаю рабов с Дальнего Востока, всякие сомнения среди нескольких торговцев китайского происхождения исчезли, особенно когда у меня в каюте побывал торговец, приведший мне двух корейских рабынь, а потом и двоих китайцев. В знак признательности я решил напоить его зеленым чаем. Торговец был приглашен выпить вместе с молодым господином зеленого чая с цветками женьшеня, при котором чай заваривали, бросая заварку из серебряного пакетика с настоящими иероглифами и на-

рисованной фигуркой китаянки.

Не увидеть огромную нефритовую лягушку (желтая пластмассовая на самом деле статуэтка), сидящую на денежных и держащую китайскую денежку (с квадратной дырочкой внутри и иероглифами) во рту, книгу про фэншуй и японскую статуэтку в кимоно, выставленные напоказ, было невозможно.

Зная о том, что струя воды считается живым драконом, в момент приема чая, в каюте с помощью капельницы я сделал небольшой декоративный фонтанчик, выставленный впереди картины с морским драконом. Чем окончательно поразил попавшего в гости торговца. Отрицать связь молодого господина, хоть и не говорящего на китайском языке, с культурой Поднебесной империи торговец не мог, чем уверил остальных торговцев из Поднебесной империи в правдивости моих слов.

Освобожденные рабы, ставшие вдруг свободными и вошедшие в новую семью, буквально в первый же день обнаружили используемые в обиходе господина вещи, на которых присутствовало много бирок и лейбочек с иероглифами китайского ширпотреба.

Что может быть более доказательно, чем стираемая шелковая рубашка господина, на которой под воротником обнаруживается пришитая лейбочка с иероглифами. Данный предмет буквально мгновенно оказался в руках у всех выходцев с далекого Востока. Далее началось паломничество в

мою каюту и просто хождение по всему кораблику с целью поиска надписей с иероглифами. Весь кораблик оказался с вещами и приборами, на которых есть или надписи, или бирочки с иероглифами, начиная от корабельного генератора «Хонда» и кончая электроутюгом в каюте, которым научилась пользоваться каждая женская особь на куттере.

Сомнения среди слуг о причастности молодого господина к аристократии Дальнего Востока испарились в мгновение ока. Ответная реакция – гордость перед слугами и самими торговцами, выходцами из далекой Поднебесной, проживающими в Кафе.

Сарафанное радио среди слуг разнесло весть по городу и дворцу уже за неделю. Где может отдохнуть выходец с Востока, получив небольшую денежку, или купить приятное взгляду изделие или приправу к национальной еде? Конечно же, в Китайском квартале, здесь даже раб может прийти отдохнуть и за небольшую денежку ощутить себя в далеком и родном времени, можно поговорить на языке, которого окружающие в повседневной жизни не понимают! Здесь же распространяются и все новости небольшой торговой общины Маленького Стамбула.

Сам собой пошел среди Китайского квартала слух о появлении в Кафе молодого образованного господина из Чосона, знакомого с принципами конфуцианства и даосизма.

Еще через неделю трое торговцев, во главе с местным главой гильдии, прибыли во дворец Касим-бея с целью выра-

зить почтение молодому господину из Чосона.

Начала повторяться ситуация, создававшаяся в Ачи-Кале, когда в маленькой христианской общине появился представитель старшего сословия, автоматически становящийся представителем вопросов младшего сословия общины перед местным властью имущим сословием.

Как итог, следователи мангупских принцев столкнулись с явной известностью и даже небольшим обожанием молодого господина из Чосона. Ничего, что он не похож на настоящего жителя Поднебесной и плохо говорит на языке страны Драконов. Он все равно господин – Дракон, из далекой всем известной страны Корё. Только там аристократами становятся, сдав экзамены в императорском университете. Это всем известно. А у молодого господина даже именное оружие и настоящая серебряная пайза островной империи есть!

Поднятые сохранившиеся документы не в Мангупе, где сгорели все документы, а в самой Кафе, свидетельствовали о существовании ранее у владельцев Феодоро вассалов родом от Феодорита Георгио. Что еще более удивительно, если наследники князей Феодоро подтвердят сеньора Ингваря как наследника Георгио Терселе и Георгио Ваша, то открывший недавно счет в банке Святого Георгия молодой маркиз станет наследником довольно приличной суммы, что-то около тысячи дукатов, лежащих на счету банка уже более столетия.

Приняв от меня поклон уважения, мне довели о том, что следствие, проведенное принцами Мангупа, закончено, и

подтверждено право носить титул маркиза Мангупа, вассала амангуптских принцев, о чем в канцелярию повелителя вселенной султана Селима II посланы подтверждающие документы. Право именоваться маркграфом Камара Мангупского эйялета, как именовались предки сеньора Ингваря, молодой сеньор сможет получить только после того, как покажет себя, сражаясь за повелителя в рядах тимариотов султана.

На следующий день, в торжественной обстановке на главной площади города, при собрании аристократии города и высшего духовенства, а также собранного со всего Мангупского эйялета полка готских стрелков, семья мангупских принцев приняла вассальную присягу от наследного вассала князей Феодоро, наследника маркграфов Камара Готии, маркиза Камара Мангупа Ингваря сына Теодемира.

Спустя почти сто лет в княжестве Феодоро, теперь уже Мангупского эйялета, вновь появился единственный представитель аристократии, поклявшийся служить семье мангупских принцев в составе – старшего принца Ага-Магмуть, младшего принца Кемаль-бея, старшей принцессы Халии и младшей Нурум, а также Мануила, двоюродного племянника Кемаль-бея.

Самое удивительное было то, что владельцами Мангупского эйялета являлись не амангуптские принцы, а лично султан – повелитель Османской империи. Султан, позволяющий править принцам, наследникам владельцев Готии, с правами набирать личных вассалов, но без права наследова-

ния владения земли, переданной в управление.

Стоит только султану решить отобрать землю у семьи мангупских принцев, официальных родственников повелителя, как их вассалы и готские крестьяне сразу потеряют право на землю.

Именно такое владение и получил новоявленный маркиз Мангупа – деревни Камара, Карань и Чоргунь. Деревни, в которых можно жить и набирать вассалов и слуг, собирать налоги и прочее и прочее, и даже не беспокоиться о наследовании владений наследниками.

При одном условии – пока мангупские принцы служат султану! Стоит только семье принца отказаться от власти султана, как их вассалы и подданные перестают иметь право на владение землей. Все очень просто: «Вассал моего вассала не мой вассал».

Еще через неделю я побывал в пожалованных владениях, посетив развалины замка Камара Исар и набрав дюжину вассалов из готских деревень. Закончив дела в Кафе, я на куттере «Азиз Николас» отправился к Ачи-Кале, откуда, не задерживаясь, поднялся по Южному Бугу до маленького островка под названием Александровка, где за последний месяц появились блокгауз и несколько хижин. Островка, на который прибыли новые поселенцы семьи маркиза Ингваря.

Прошла еще неделя, и куттер «Азиз Николас» оказался в Средиземном море в составе отряда кораблей, направленных от крепостной флотилии Ачи-Кале на усиление Среди-

земноморской эскадры.

Глава 3

Как козаки по морю Средиземному ходили

Наша маленькая флотилия попала в состав галерного отряда, под руководством рийяли (контр-адмирал) Мехмета Сулюка, командира египетских корсаров, в отряд которого временно входили галеры и шайки Черноморского бассейна.

Последняя неделя июля 1571 года стала поворотной точкой новой жизни попаданца в XVI век на территорию Османской империи.

Почти четыре месяца жизни прошли в таком напряженном ритме, что не было времени даже осмотреться и решить, а в ту ли я сторону иду? Местная жизнь подхватила мою судьбу и стала использовать по каким-то своим планам, заставляя меня удивляться и удивляться.

Очередное изменение моего мировоззрения произошло в последнюю неделю перед выходом в действующую эскадру, буквально за несколько дней до выхода.

В Османской империи снаряжение кораблей, участвующих в боевых действиях, осуществлялось за счет государства, в соответствии с утвержденными государством нормами. Даже если они принадлежат частным лицам. Мне открыли арсенал Ачи-Кале и выделили имеющееся на хранении

оружие и припасы. Государство также выписало владельцу корабля денежное довольствие на содержание в период боевых действий экипажа корабля примерно на четырнадцать матросов и солдат. Соответственно для этого экипажа выделили пять арбалетов, остальное холодным оружием, и кожаные доспехи. Не забыта бала и артиллерия. Если, конечно, владелец корабля решил ее использовать.

На вторые сутки снаряжения куттера в Ачи-Кале, после получения пороха и четырех вертлюжных пушек, из арсенала, с боеприпасами к ним и приспособлениями, к пирсу вдруг подошло четыре десятка настоящих казацких «чаек», которые выгрузили на пирс не кого-нибудь, а настоящих запорожцев. По крайней мере, таких, как я себе их и представлял.

Запорожцы в середине XVI века!

Запорожцы, спокойно, с радостными возгласами выпрыгивающие на пирс порта турецкой крепости, не рубящие головы турецким стражникам, а радостно обнимающиеся со старыми знакомыми! Нет, не с обычными знакомыми, а боевыми товарищами!

Гарнизон крепости с шумом и гамом вышел на пирс, встречать пришедшие в порт небольшие кораблики.

– Ты жив еще, старый хрен? – запорожец треплет убеленного сединами маленького, склонного к полноте янычара.

– Что со мной станется? А ты як? – обнимает янычар рослого козака, настоящего великана, с седыми усами и хохол-

ком.

– Да вот собрались по зипуны к папистам. А ты как? Тоже пойдешь?

– Конечно. Уже неделю вашу паланку ждем. Как только вы запасы пополните, так сразу и выходим. С меня кальян.

Два обнимающихся боевых товарища пошли в крепость, за спиной которых слились воедино несколько янычаров и козаков, небольшой группкой следуя за парочкой ветеранов средневековых войн.

Торопунька и Штепсель – парочка украинских юмористов советских времен – вдруг оказалась на пирсе будущего Очакова, турецкого Ачи-Кале, или Галицкого Дешта. Только один из парочки был османским гвардейцем, а другой – козаком-запорожцем, готовым натурщиком всем известной картины Ильи Репина «Запорожцы», или «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

В 1571 году, более чем за полвека до провозглашения независимой козацкой державы, врага турков и татар, в турецкой крепости Ачи-Кале, братаются украинец и турок, собирающиеся в поход на папистов. Невероятно, но факт!

Десятки тысяч запорожцев, с хуторами и семьями, традициями боевого братства, оснащением и обеспечивающей инфраструктурой лучших воинов Европы, появляются не из воздуха, оказываются всего лишь наследниками пограничных войск Османской империи.

Жители поймы нижнего течения Днепра, территории

Османской империи, граница владений которой проходила на севере по линии Днепровских порогов, и поэтому для государей Московии или Речи Посполитой, а до этого Великого княжества Литовского, жившие в Низовьях Днепра – ЗА ПОРОГАМИ.

Жители христианской провинции, выделяющие в соответствии с законами Османской империи с каждых двадцати домов холостяка в постоянное войско, – христианских азапов.

Изначально это были легкие лучники азапы, не имеющие брони и какой-либо униформы, с вооружением из щита, ятагана, дротиков, составного лука или арбалета, начинающие бой перед наступающими янычарами и заканчивающие бой в их рядах. Разделяющие с янычарами как радость победы, так и горечь поражения.

Воинскую подготовку мобилизованные молодые холостые мужчины – будущие христианские азапы – проводили в воинских лагерях и поселках, по законам и традициям янычаров. Только не в столице империи, а в выделенных провинцией землях, с центрами управления и делением воинской провинции, управляемой оттоманом-гетманом, по полковой системе с центрами самоуправления – по-турецки «паланка», от греческой фаланги. Их собирали по призыву в один кош (казарму) воинского лагеря со всеми атрибутами укрепленного лагеря, под управлением кошевого оттомана – полковника.

В мирное время козаки (азапи) несли пограничную службу на засеках (границе и заставах), в военное время, участвуя в походах войска султана, привозили домой добычу или жен, но не забавниц, наигравшись с которыми поступали по янычарскому обычаю, как Степка Разин с персидской княжной.

Таких неизвестных истории козаков-азапи в Причерноморье было множество, на Днепре и Дунае, Дону и Кубани. И даже Сенька Разин из их числа.

Найти козаков в османской армии было невозможно, так как еще до времен, которые в российской истории зовутся «Смутными», христианских козаков-азапи звали очень просто – черкесами. Черкесы – как для московитов, так и для османов, для ляхов и для литвинов, татар и персов, грузин и армян, и даже египтян.

Сразу становится видно огромное, задающее тон и традиции во всей Османской империи и за ее пределами, влияние выходцев из черкесов, как христианской, так и мусульманской веры. Один, из которых Дмитрий «Байда» Вишневский – основатель Хортицкой Сечи. Другой – мусульманин Касим-паша – наследник князей Феодоро и родственник христианского кабардинского князя Темрюка Идарова, отца жены Ивана Грозного Марии Темрюковны. И все они черкесы, как и князя Феодоро, как и правители Египта мамелюков. А сколько визирей или султанш из черкесов благородных кровей, родственников византийских императоров и султанов османских, знает история? Черкесы, живущие и промышленя-

ющие в пойме нижнего течения Днепра, от порогов до устья реки, приписанные к воинским поселениям в своеобразном треугольнике, созданном торговыми путями – «Черным и Муромским шляхами». Те черкесы, отцы которых жили ранее в пойме нижнего Днепра во времена княжества Феодоро, были подданными Феодоритов и управлялись из одного из городов княжества, стоящего на Днестре и даже в третьем тысячелетии называемого – Херсон.

Далее – турецкая граница, почти сразу с началом Днепро-провских порогов, как раз там, где находится остров Хортица, а в будущем появится Днепро-провская ГЭС и город Запорожье, начинается противостояние двух козацких таможен (застав или засечных постов), турецкой черкесской и московитовской черкесской. Владений черкесского князя Вишне-вского (козака Байды), владельца Черкес и козаков верховьев Днепра, вассала при жизни нескольких государей – царя Московского, короля Польского или хана Крымского. Соответственно по указке соответствующего сеньора воюющего то с турками и черкесами низовыми, то с поляками, вместе с черкесами низовыми и татарами крымскими, то с московским царем в союзе татар и турков или поляков.

В будущем именно земли козака Байды и станут центром государства, созданного Богданом Хмельницким, те земли, которые будут выдавать за Запорожье. Те земли, которые в момент, когда в Османской империи и Казанском ханстве будут наступать тяжелые времена, начнут выбрасывать на

территорию Черного моря классических ушкуйников из Киевского воеводства, выполняющих заказы геополитиков европейских монархий на кораблях, носящих название «шайки». Это в следующих веках черкесское судно превратится в козачью «чайку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.